

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« МОРСКОЙ » СПЕЦНАЗ



АКУЛА В КАМУФЛЯЖЕ

Сергей ЗВЕРЕВ



Морской спецназ

Сергей Зверев

Акула в камуфляже

«Научная книга»

Зверев С. И.

Акула в камуфляже / С. И. Зверев — «Научная книга»,
— (Морской спецназ)

Морской спецназовец Серега Павлов по прозвищу Полундра был крайне удивлен очередным заданием. Оно показалось ему несерьезным. Почему он, профи высочайшего класса, должен искать каких-то яхтсменов, затерявшихся в бурном море? Он же не знал, что попадет в самый эпицентр испытания психотропного оружия. Как воевать с боевыми пловцами, Полундра знает, но как противостоять невидимому врагу – даже не представляет. Хотя боевой опыт ему подсказывает, что с противником лучше воевать его же оружием...

Содержание

1	5
2	9
3	15
4	18
5	22
6	27
7	30
8	35
9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Зверев

Акула в камуфляже

1

Конец января в Уругвае – чуть ли не самое жаркое время года. Для тех, кто живет в Южном полушарии планеты, это настолько же привычно, как январские морозы для москвичей или, скажем, монреальцев. Так что январь для уругвайцев, чилийцев, бразильцев и всех прочих южноамериканцев – самый разгар лета. Вот и сегодня солнышко, весело сияющее в ярко-синем небе, основательно прогрело воздух и воду Атлантического океана, что смешивалась с могучим потоком, струящимся из речного устья величественной Ла-Платы.

Вода, словно подсвеченная изнутри, из самых глубин, переливалась лазурью и бирюзой.

До чего же живописная картина открывалась при взгляде на полоску пляжей подле Монтевидео! Муравьиное копошение в прибойных волнах и на желтом песке многих тысяч загорелых тел, белые чайки над океанской синевой и мощная стена то темно-, то светло-зеленой прибрежной растительности, среди которой мелькают такие же белые, как чайки, виллы, гостиницы, кемпинги... За катерами мчатся лыжники, водяные брызги соревнуются в блеске с искрящимся песком пляжей. Крохотные осколки перламутра придают побережью поразительно нарядный вид. Яркие пляжные тенты, блики солнечных лучей на лакированных боках и крышах автомобилей...

Но главное в этой изумляющей глаз радуге – паруса, паруса, еще раз паруса... То белые, как снег, то оттенка берлинской лазури, то нежно-зеленые, словно весенняя травка, то киноварно-красные. Парусов даже в обычные дни хватает: одни бесчисленные серфингисты чего стоят, да еще владельцы собственных спортивных и прогулочных яхт, каждый из которых из кожи вон вылезает, лишь бы утереть всем нос подбором своей, самой яркой палитры громадных нейлоновых полотнищ.

Однако именно сегодня разноцветных парусов было вовсе не счесть: в полдень брала старт престижная парусно-крейсерская гонка Монтевидео – Сидней. По своему весу и значению она почти не уступала розыгрышу Кубка Америки – АСМ – America's Cup Management. Яхтсменам не нужно объяснять, что значит участие в международном парусном фестивале такого уровня.

А уж если призовое место или даже победа...

О!.. Это не только колоссальный авторитет среди тех, кто любит и понимает парусный спорт, не только признание международной общественностью чести флага твоей страны, – это очень, очень солидные призы. Желающих побороться хватает... Сегодня на старт Атлантическо-Тихоокеанской гонки Монтевидео – Сидней вышло семьдесят небольших парусников с экипажами из двух яхтсменов. На соревнование прислали своих участников тридцать пять стран и флотов – ведь яхтсмены распределяются не только по странам, но и по флотам, существует такая традиция.

Россия и Балтийский флот были представлены лишь одной яхтой, на коричневом борту которой золотом светило: «Кассиопея». Яхт, несущих, к примеру, британский «Юнион Джек», насчитывалось аж десять.

Зато экипаж «Кассиопеи» по праву считался не просто отличным, а выдающимся. Эта пара могла задать жару кому угодно, даже самым прославленным и просоленным морским волкам, участвующим в крейсерской гонке.

На спортивном паруснике нет ни капитана, ни штурмана. Исстари повелось, что старший в двойке именуется рулевым, а младший – шкотовым, или попросту матросом. Понятное дело,

что в многодневной крейсерской гонке шкоты – снасти для управления парусами – приходится тянуть и рулевому, а за румпелем стоять и матросу. То же самое, кстати, и в коротких гонках на регатах, где состязание экипажей длится часы, а не недели. И все же главный в экипаже – рулевой. Именно он подбирает себе матроса.

На «Кассиопее» рулевым был Андрей Александрович Муличенко; вскоре он готовился отпраздновать свое сорокалетие. Среднего роста, ширококостный, он казался, на первый взгляд, слегка тучноватым, но это впечатление было обманчивым. Ни грамма избыточного жира, лишь великолепно тренированные мышцы, без которых в парусном спорте на успех рассчитывать не стоит. Муличенко начинал лысеть, но ему это даже шло, делая его лоб шире и выше. А еще весьма украшала лицо Андрея Александровича коротко постриженная шкиперская борода, такая же рыжеватая, как поредевшая шевелюра. Типично славянский нос картошкой, из-под густых бровей весело и дружелюбно смотрят небольшие серые глаза.

Его шкотовый матрос, Сергей Иванович Зарнов, был младше своего друга и командира почти на восемь лет. Зарнова отличал весьма высокий рост: чуть больше двух метров. И вес соответствующий: сто пять килограммов. Для шкотового это просто прекрасно: чем он выше и тяжелее – тем лучше, такова специфика парусного спорта. Но при обязательном условии: матрос должен быть ловким, двигаться быстро и легко, обладать безукоризненной координацией движений. Здесь Сергея никто бы не упрекнул: когда Зарнов работал с бегучим и стоячим такелажом, он напоминал громадного кота, вроде тигра или ягуара. Силой Зарнов обладал просто невероятной, куда там Муличенко, хоть и рулевого «Кассиопеи» небеса в этом отношении не обделили. Сергей одной рукой – что правой, что левой – мог десять раз подряд выжать краспицу. Это такая перекладина на мачте для разноса вант и штагов, и весит она почти четыре пуда.

Темные волосы Сергея слегка курчавились, на носу имелась чуть заметная горбинка. Глаза карие, большие и широко открытые. С веселым блеском глаза, как и у рулевого. А улыбка какая, просто загляденье, куда там голливудским! Во все тридцать два сияющих белизной зуба.

Подбородок Зарнов брил, но зато носил тонкие, в нитку усики. Чем-то напоминал Сергей привычный типаж донского казака, разве что чубчика не хватало. Эдакий молодой Григорий Мелехов из экранизации «Тихого Дона». Мужикам с подобной внешностью и улыбкой надо с собой кусок рангоута носить, чтобы от женщин отбиваться.

Вдвоем Муличенко и Зарнов ходили под одними парусами четвертый год. Ходили и до того, но в разных экипажах. Они ведь оба были профессиональными спортсменами. В наше время, если желаешь добиться серьезных результатов, нельзя уже смотреть на парусный спорт как на отдых, хобби, развлечение. Работа, любимая, конечно же. Профессия. Впрочем, это к любому спорту относится, кроме доминошного «козла» и перетягивания каната.

Что интересно: до встречи с Муличенко Сергей тоже был рулевым. Но, когда Андрей Александрович пригласил его стать матросом, согласился почти сразу. Почувствовал, что возможности перед ним откроются совсем иные. Кроме того, Муличенко сразу показался Сергею необыкновенно симпатичным дядькой. Кстати, взаимно, иначе не стал бы Андрей Александрович его приглашать. Если люди, составляющие пару, не то что плохо, но хотя бы безразлично относятся друг к другу, ничего у них не получится, будь они хоть трижды атлетами и умницами. Это вам любой опытный яхтсмен подтвердит.

Оба не прогадали. Результаты прямо-таки прыгнули вверх. В первый же год – второе место на Балтийской регате в олимпийском классе «Звездный». Еще через год – золотая медаль открытого первенства Европы в Киле. Тогда же – первый результат на Кингстонской регате, а это не фунт изюма. Наконец, полгода назад – серебро на первенстве мира в Неаполе, причем американцы, занявшие первое место, выиграли у российской пары всего два очка! Повернись последняя гонка регаты чуть по-другому, не лопни во время смены галса грота-шкот, – не

видать бы американскому экипажу золота. Словом, среди «звездников» их пара заслуженно считалась одной из сильнейших в мире.

Было, правда, одно существенное «но». В крейсерских гонках экипаж Муличенко – Зарнов участвовал впервые. А это совсем другое дело, нежели спринтерские гонки на регатах. Другой тип яхты, громадное расстояние, совершенно иные тактика и стратегия. К тому же на регате можно проиграть один заезд из шести или семи, – от случайностей никто не застрахован. Не беда – можно наверстать. Крейсерская гонка не повторяется, здесь единственная ошибка станет роковой. А если вдруг пробоина? А если полетит перо руля? Треснет киль? Все. Пиши пропало. Пусть даже ухитришься с невероятными трудами исправить поломку, толку от того немного: соперники ждать не станут.

Но оба яхтсмена мечтали именно о крейсерской гонке, сложной, длинной, многодневной. Межконтинентальной! Вот такой, как эта: из Южной Америки в Австралию, через пролив Дрейка, вокруг знаменитого своим суровым характером мыса Горн. Крейсерское плавание – это занятие для мужчин. В нем проходят испытание на мужество, выдержку, находчивость, товарищество.

Парус окутан многовековой романтикой. Кто из мальчишек не бредил в детстве парусами, кого не волновали звучные морские термины? Каравеллы Колумба, барки и бриги, стремительные и сказочно прекрасные клипера...

Не так много сохранилось в современном парусном спорте от старинных парусников. Но осталось главное – прежде всего борьба со стихией. В такой борьбе острее ощущаешь, для чего ты родился на свет!

И вот мечта сбывалась. А с красавицей «Кассиопеей» они справятся: ведь строилась она на стапелях верфи Санкт-Петербургского яхт-клуба по их заказу и под их наблюдением. Да и обкатать «Кассиопею» друзья успели: не меньше тысячи миль накрутили взад-вперед по Балтике.

Согласно регламенту трансконтинентальной гонки Монтевидео – Сидней, лимитировался лишь тоннаж яхты, число и общая площадь парусов. А в остальном – насколько фантазии да точного конструкторского расчета хватит.

«Кассиопея» задумывалась и строилась как гоночно-крейсерская яхта, своеобразный гибрид. В основном она походила на классическую, самую популярную крейсерскую яхту – 12-метровик. Но кое-что – немало! – в своих обводах, в схеме парусного вооружения «Кассиопея» взяла от гоночной яхты олимпийского класса «Солинг». Три паруса: стаксель, грот и спинакер – его ставят при попутных ветрах на стороне, противоположной гроту. Кокпит – вырез в палубе для экипажа – крытый и даже с небольшой надстроечкой, так что вышло нечто похожее на крошечный кубрик. Правильно: будет где спрятаться от непогоды, приготовить пищу, не страшась соленых брызг, поспать спокойно одному из экипажа, покуда другой на вахте.

Корпус и мачта «Кассиопеи» выполнены из стеклопластика, армированного углеродной нитью. Очень прочный и необыкновенно легкий материал. А до чего малое трение об воду! Чем оно меньше, тем лучше скольжение, тем быстрее пойдет яхта.

Муличенко и Зарнов прямо-таки влюбились в «Кассиопею». Красавица, ничего не скажешь! А умница какая: слушается каждого движения, словно хорошо обученная кавалерийская лошадь своего всадника.

...За полтора часа до полудня буксировочные катера потащили яхты в стартовый створ. Северо-восточный ветер силой до четырех баллов разогнал океанскую волну, швырял в лицо водяную пыль. Стало немного прохладнее: ветер смягчил полдневную январскую жару.

Белые облачка, появившиеся за час до старта, стремительно надвигались, точно в высоте небесные парусники боролись за скорость в своей воздушной регате.

Десятиминутная готовность.

«Трудный здесь старт, – озабоченно подумал Муличенко. – Ветры то с гор, то с океана... Характер волны сложный... Опять же сильные подводные течения... Так, решено: стартую левым галсом, сразу же уваливаю под ветер, и переносим паруса на другой борт».

Над створом вспыхнула ослепительно-зеленая стартовая ракета.

Трансконтинентальная крейсерская гонка Монтевидео – Сидней началась. «Кассиопея» отправилась в долгий путь.

2

С затянутого тучами неба сыпался мелкий, серый дождик. Сквозь его частую сетку виднелись пологие горбы таких же серых невысоких валов, идущих с норда, из Аргентинской котловины.

А вот настроение у Муличенко и Зарнова было, не в пример пасмурной погоде, самым радужным! Пока что гонка складывалась для «Кассиопеи» исключительно удачно, словно русским яхтсменам сам Нептун помогал.

Уже были пройдены пользующиеся недоброй славой заливы Сан-Матиас и Сан-Хорхе, где ветра совершенно непредсказуемы и коварны. На этом отрезке пути приходилось постоянно галсировать, яхта почти все время шла бейдевинд, ветер дул в переднюю половину ее горизонта. Поэтому скорость была невелика, а ведь вдобавок приходилось бороться с встречным Фолклендским течением!

Но «Кассиопея» не подвела свой экипаж, а он – ее, и вот эти тяжелые дни, заполненные изнурительной работой, остались позади. Муличенко принял весьма грамотное тактическое решение, отклонился к востоку, несколько удлиняя путь, но резко выигрывая в скорости.

Утром этого дня к востоку от яхты проплыли, словно темные тучи, опустившиеся прямо в океанскую воду, Фолклендские острова. «Кассиопея» миновала первый промежуточный этап.

Жизнь налаживалась! Ветер сменился, теперь он устойчиво дул в корму яхты, она шла фордевинд. О таком любой яхтсмен мечтает! Можно было ставить спинакер, что Сергей и сделал, по команде Муличенко. Оранжевое полотнище паруса, такое яркое и веселое в обступившей яхту хмари, гордо выгнулось вперед. «Кассиопея» резко прибавила ход, понеслась по отлогим волнам. Как тут не радоваться?! А погода – что погода? Самая лучшая погода, другой не надо. Яхтсмену ли сырости бояться? Да и штормовки с зюйдвестками имеются.

Существовала еще одна причина для повышенного настроения. Дело в том, что это ведь не короткая гонка на регате, где видишь своих соперников и представляешь, на что рассчитывать, точно знаешь, впереди ты, сзади или посередине. Тут ты видишь вокруг только океан, а чтобы в поле зрения появилась хоть одна из соревнующихся с тобой яхт, так это уникальный случай. Расстояния-то тысячемильные!

Крейсерские гонки делятся на два типа. В первом яхтсмены не знают своего положения на трассе относительно конкурентов до самого финиша. Только там выясняется, кто первый, кто десятый, а кто последний. Такой тип диктует самую простейшую тактику: гони во весь дух, и все тут. Но во втором типе, при прохождении промежуточных этапов, с яхтсменами связываются и сообщают им, как они идут. Какое место в гонке они занимают на текущий момент, насколько опережают соперников или отстают от них.

Так вот, гонка Монтевидео – Сидней относилась ко второму типу. Час тому назад Андрей Александрович получил по спутниковой связи сообщение: «Кассиопея» – первая, мало того, она уходит в солидный отрыв. Вот когда сказалось его решение «вильнуть» перед Фолклендами к востоку!

Победы это, конечно же, не гарантировало, но шансы на нее давало немалые, а уж про настроение и говорить нечего.

Когда яхта, как по струнке, идет фордевинд, когда не нужно лавировать, постоянно меняя галсы, управлять яхтой совсем несложно. Особенно если океан впереди пустынен, разве что на Морского Змея налетишь ненароком.

Появляется возможность слегка расслабиться, передохнуть, поговорить. Сейчас наступил как раз такой момент. Румпель был закреплен, оба яхтсмена сидели в кокпите, тесно прижавшись друг к другу.

– Слышь, Саныч, – весело обратился к своему рулевому Зарнов, – а ведь того! Можем устроить всем чучу! Вот эт-то будет номер! В смысле – наше первое место, а?! Первый раз попробовали крейсировать, да всех и уделали! Нет, ты только представь!

– Э-э! Не говори «гоп»... Сглазить можешь. Вечно ты торопишься и кипятишься, Серж! – спокойно ответил рассудительный Муличенко своему более молодому, рисковому и горячему другу. – Мы куда сейчас идем с тобой? Правильно, на запад. К мысу Горн, в пролив Дрейка. Ты же, Серж, не мальчик. Знаешь, что за райские уголки такие.

Хм! Еще бы Зарнову не знать, когда об этом на школьных уроках географии рассказывают. Мыс Горн – один из самых опасных для мореплавания пунктов, большинство кораблекрушений в Южном полушарии как раз там и случаются. Да и пролив Дрейка... Тут тебе и бешеные шквалистые ветра, и близость Антарктиды, а значит, ледовая опасность, айсберги, плотные туманы с нулевой видимостью и много прочих прелестей, от которых моряки седеют.

Словом, местечки были того сорта, что без необходимости туда никто не заглядывал. Да и при необходимости совались неохотно... Вот разве что такие сумасшедшие, как Муличенко с Зарновым.

– Уж и помечтать нельзя! – сделано обиженным голосом откликнулся Сергей. – А то мы, Саныч, всяких горнов-дрейков испугаемся!

– Помечтать, конечно, можно, – легко согласился Муличенко, который ни на секунду не купился на «обиду» друга. – Мне, Серж, тоже мечтается...

Кстати, история того, как сложились их обращения друг к другу: «Саныч» и «Серж», довольно любопытна.

Ну, с «Санычем» все просто. Поначалу Зарнов, сделавшись шкотовым у Муличенко, обращался к тому на «вы» и не иначе как «Андрей Александрович». Сергей был младше по возрасту и положению в экипаже, он очень уважал Муличенко, и все прочее в том же духе.

Только продолжалось это вежливое «выканье» недолго и само собой сошло на нет. Попробуйте во время гонки, когда каждая секунда на счету, выговорить «Андрей Александрович»... Все понятно? Вот и редуцировалось обращение до ласково-уважительного «Саныча».

С «Сержем» дело обстояло куда интереснее.

Международный язык парусного спорта – английский. Так сложилось, что гордые британцы и здесь умудрились стать зачинателями, законодателями, хранителями традиций и прочее, и прочее. Так что плох тот яхтсмен, который английского не знает и общаться на нем не в состоянии. Вообще говоря, сие не только к яхтсменам относится, весь мир по-английски говорит, и никуда от этого не деться.

Когда Муличенко и Зарнов впервые попали в Киль уже вдвоем, они вдоволь контактировали со своими коллегами из других стран. Особенно Сергей, он был моложе и общительнее спокойного, чуть флегматичного – на берегу! – Андрея Александровича. Английский оба знали очень неплохо, хотя бы потому, что не были новичками в парусном спорте и за границей России оказались отнюдь не в первый раз. Так что и старых знакомых встречали, и новые знакомства заводили. В каком-то смысле девиз шахматистов «Gens una sumus!» – «Все мы – одна семья!» – яхтсменам тоже подходит.

Когда Муличенко и Зарнов оказались вдвоем в гостиничном номере, Андрей Александрович сказал, добродушно усмехаясь:

– Знаешь, хочу тебе дать один совет. Ты, если захочешь представиться какому-нибудь иностранцу, особенно – англичанину или американцу, говори, что зовут тебя Серж. Этак на французский манер. Но не Сергей.

– Это почему? – поразился Зарнов. – Чем вам мое имя не нравится?

– Мне нравится. Очень. Только вот для человека, привыкшего говорить по-английски, твое имя звучит, извини, похабно. Сергей. Сэр гей. За границей тоже не все от геев с лесби-

юшками в восторге. А тут получается не только гомосексуалист, но еще и с претензией на аристократизм.

Услышав столь оригинальную интерпретацию своего имени, Зарнов сперва пару раз икнул от удивления, а затем безудержно расхохотался. Чуть не пять минут успокоиться не мог.

Полугодом позже, когда отношения между ними окончательно сложились, он как-то спросил Муличенко:

– Саныч, признайся честно, ты меня тогда на вшивость проверял? Есть у меня чувство юмора или я дурак набитый?

– А ты как полагаешь? – усмехнулся в ответ Андрей Александрович. – Сам подумай: зачем мне в экипаже набитый дурак без чувства юмора, хотя бы и твоей кондиции? Вместо матчы ставить?

Однако привилось. Так вот и стал Сергей Зарнов для своего рулевого Сержем.

...Ветер становился все сильнее. Его порывы срывали с волн ключья пены, швыряли их вдогонку убегающей яхте, но «Кассиопея», казалось, только радовалась этому, все прибавляя ход. А уютно устроившиеся в кокпите яхтсмены не на шутку размечтались.

– Как делить станем, поровну или по справедливости? – азартно поинтересовался Зарнов. – Если по справедливости, так мне и сорока процентов хватит. Ты же у нас не только по названию, но и по делу рулевой.

Сергей нимало не кривил душой. В чем в чем, но в жадности и склочности Зарнова обвинять бы постеснялись даже злейшие враги, которых у Сергея, кстати, не было.

– Поровну. Не обсуждается. И что ты со своей половиной делать станешь? Женишься, наконец? На какой-нибудь топ-модели? – с легкой, необидной усмешкой спросил Муличенко.

– Не решил еще... – столь же усмешливо отозвался Сергей. – А что? Может, и женюсь... Хотя мне, Саныч, этого добра без того девать некуда, а уж с такими деньжищами... А ты?

– Я? Эх, медведь еще в лесу бегает, а мы с тобой о шкуре... Знаешь, если серьезно, то... Очень бы мне деньги кстати пришлось. Ты вспомни, что я малость постарше тебя. Мой спортивный век подходит к концу, ничего тут не попишешь. Галина запилила: мол, старый я дурак, ни ее толком не вижу, ни дочку. Мол, пора на берег. Ведь права, как ни печально! Нет, годик-другой я еще шкоты потяну и румпелем поверчу, подожду, пока ты себе кого в пару не подберешь. А потом... Потом нужно уходить. В любом случае лучше уходить непобежденным. Но я ведь без паруса не проживу! Кстати, я ничего больше толком не умею. Ты вот раньше на флоте служил, так хоть специальность приобрел нужную, пока не уволился из рядов. Связисты твоего класса и на гражданке пригодятся, тебе будет чем на хлеб с маслом заработать, когда придет пора на якорь становиться. А я, смешно сказать, по образованию – историк русской литературы, каково? Чуть за диссертацию не взялся, да вовремя опомнился. Оч-чень востребованная специальность!.. Если бы не парус, давно бы с Галкой ноги протянули с голодухи. Так вот, появилась у меня с год тому назад одна идея...

Сергей слушал спокойный голос друга в немом изумлении: ни фиги себе, лихо «развернулся под ветер» шуточный разговор о дележе шкуры того самого медведя!

– Хорошо бы открыть в каком-нибудь пригороде Питера детско-юношеский яхт-клуб. Стал бы я его директором, сам бы туда переселился с Галиной и Наташкой. Ага, в пригород. Построили бы себе коттеджик. Чем по подворотням клей нюхать и пиво пить, пусть лучше занимаются пацаны благородным парусным спортом. И заработал бы я со временем на этом неплохо. Хвастать не буду, но с моим опытом... Да через десять лет я команду чемпионов натренирую! И в одиночном разряде, и в двойках.

«А ведь натренирует!» – подумал Зарнов.

– Но ты представь, какие деньжищи нужны на раскрутку! Эллинги, яхты, аренда земельного участка, проектные работы, строительство, накладные расходы... На одних взятках миллионер разорится! Власти? Половину, скорее всего, дадут. Если хорошо попросить. Я же не

бордель или лавку по сбыту анаши открывать собираюсь. Был у меня один... э-э... предварительный разговор. В спорткомитете. Но – не хватит. Половина – это половина и есть. А вот вторая половина – тут бы мне очень призовые денежки пригодились.

– Во-он ты как! – уважительно сказал Сергей. – Это да! Это дело! Чего ж ты раньше-то молчал?

– А что толку было воздушные замки строить? Вот если выиграем гонку...

– И наши призовые денежки не зажилят... – закончил его фразу Зарнов.

– Зришь в корень. Н-ну... Тогда замок может получиться не совсем уж и воздушный.

Некоторое время оба задумчиво молчали. Слышен был лишь свист ветра в снастях да плеск океанской волны за бортами яхты.

– Вот ведь какое дело, – задумчиво сказал Зарнов, – если ты из спорта уйдешь... Нет, какие тут обиды, ты ведь прав. До пятидесяти шкоты не потягаешь, меня это тоже ожидает. Только я, вроде того лебеда из песни, в другую пару не впишусь!

Даже ведя разговор на столь серьезную тему, не мог Сергей Зарнов не похохмить! «Лебедину верность» вспомнил, надо же...

– Ни рулевым, ни, тем паче, шкотовым. Матросить я только у тебя согласен. В другой класс уходить? – продолжал Зарнов, все более горячась. – В одиночки? Так для одиночного швертбота уже я староват, да. Я вот как поступлю. Если у нас дело выгорит, то походим мы с тобой еще с год, а потом уйду и я. Не возражай! Кто только что говорил: лучше непобежденным? У меня тоже давняя мечта. Построю одиночную крейсерку под себя и отправлюсь в кругосветку, да.

«Дакать» в конце фраз Зарнов начинал, если тема разговора основательно цепляла его за живое.

– Один? В кругосветное парусное плаванье? Ты серьезно?

– Более чем. Раз уж у нас такой серьезный разговор пошел. А что? Думаешь, не потяну?

– Честно? Не знаю. Но понимаю тебя прекрасно. Можешь потянуть. Прославишься на весь мир.

– Ага. Когда меня вместе с моей малюткой кашалот проглотит, – рассмеялся Сергей. – Вернусь из кругосветки – пойду в твою школу тренером, да. Возьмешь?

– Спрашиваешь! С руками и ногами. Со всеми прочими частями тела в придачу. Особенно – с головой, она у тебя варит.

Они переглянулись и дружно рассмеялись.

– Если мы с тобой гонку выиграем, – сказал мечтательным тоном Сергей, – то власти, тот же самый спорткомитет, к тебе совсем по-другому относиться станут! И с арендой поддержат, и взятки давать не придется. Да и мне с кругосветкой солидно помогут, да!

– Это почему? Шибко зауважают? Дождешься от них! – скептически откликнулся Муличенко. – А уж относительно взяток, так прямо ненаучная фантастика про драконов. Ты забыл, в какой стране живешь?

– Забудешь такое... Наш НОК заставит нас уважать. Ага, национальный олимпийский комитет. И те, кто его патронирует. Есть ведь еще МОК! И чего-то он решит, а?

– А, ты вот о чем! – Андрей Александрович заинтересованно хмыкнул. – Слушай, Серж, а ты ведь прав. Говорил я, что у тебя башка хорошая. До финального заседания МОК в Гватемале всего полгода... Да, если мы станем первыми в такой престижной гонке, это еще один аргумент в пользу Сочи.

– И немалый, да! – убежденно сказал Зарнов.

– Замечтались мы с тобой, а ведь пора определяться с координатами, – сменил тему Муличенко. – Вот ты и займись. Тебе, как бывшему флотскому связисту, это как-то ближе. Я никак привыкнуть не могу, да и не умею толком этой навороченной техникой пользоваться. На обычной регате определять координаты как-то без надобности. Вот он – Киль. Или Неаполь.

В пределах видимости, так что не заблудишься. Вся техника на яхте – ты сам, хронометр да обычный компас. Да простейшая рация, а последнее время и мобильниками обходились. А у нас на «Кассиопее» столько наворочено... Не знаю, что бы я без тебя делал!

– Это точно! – довольно кивнул Сергей. – Спутниковая связь с видеоинтерфейсом, хоть онлайнные конференции проводи. Жи-Пи-Эс, опять же, так что с координатами проблем не будет. Я тебе их сейчас за пару минут с точностью до сотых долей угловой секунды определяю. И широту, и долготу. Можно, кстати, высоту над уровнем моря. С точностью до двух метров, да.

– Высоту не нужно, – решительно возразил Андрей Александрович. – Она без того известна. Мы вроде бы не взлетели над волнами.

– И не потонули, ха-ха-ха! – весело рассмеялся Зарнов. – Вот такой аспект позиционирования по вертикали мне в голову не приходил, ха-ха-ха! Слышь, Саныч, если булькнем на грунт, так в штабе гонки это сразу засекут, вот умора!

– Типун тебе на язык с такими шутками! Просветил бы лучше бывшего филолога, что эта Жи-Пи-Эс за зверь такой? А то я слышал звон, но не знаю, где он. И что там звенит.

– Жи-Пи-Эс не зверь, а система глобального позиционирования, – охотно пояснил Сергей. – Или спутниковой навигации, чтобы тебе понятнее было. Придумали и организовали ее янкесы, но Россия в ней уже лет пятнадцать участвует. С тех пор, как стали мы с американцами лучшими друзьями. Сейчас, правда, спохватились и что-то свое в том же духе в космос запускаем. ГлоНаС называется. Глобальная навигационная система. Это хорошо, что спохватились, а то с такими друзьями, как янкесы, врагов уже не надо! Принцип простой, как мята. Над шариком на геостационарных орбитах крутятся двадцать четыре американских спутника. И десять наших. Имея специальную аппаратуру, типа приемопередатчика, ты можешь в любой момент определить свое местоположение на шарике. Что я сейчас и сделаю, да.

– О-о-о! Лихо, ничего не скажешь! – уважительно протянул Муличенко. – Постой, система американская, я правильно понял?

– Ага.

– Так почему ж у нас на «Кассиопее» какая-то южнокорейская хреновина стоит?! Нам, случаем, нос не натянули господа спонсоры? А то ты сейчас определишь год рождения моей бабушки с точностью до угловой секунды.

Зарнов снова расхохотался.

– Саныч, не бойсь, все в порядке! Это спутники американские, а приемопередатчики хоть Республика Чад может выпускать. Хоть у нас можно, в мехмастерских деревни Мухосранцево. Так что нам повезло: Южная Корея – это круто. У них аппаратура продвинутая. И досталась нам бесплатно, за красивые глаза. В оргкомитете еще уговаривали, чтобы мы взяли.

Понятно, почему бесплатно. Среди титульных спонсоров трансконтинентальной крейсерской гонки числилась известная южнокорейская фирма, которая специализировалась на системах связи и навигации. Кто ж от возможности такой рекламной акции откажется!

– Успокоил, – отозвался Муличенко. – А у нас вся эта аппаратура не сдохнет по пути? Сырость, то да се... Или без питания останется... К хорошему быстро привыкаешь, хотелось бы до самого Сиднея такие навигационные возможности иметь. Да и отзываться в штаб гонки мы дважды в сутки обязаны.

– Снова не бойсь! Там все по уму сделано. И аккумулятор новейшей конструкции, продвинутый по самое не могу. Хватит до Австралии, будь уверен.

– Превосходно. Как определишься, выйди на палубу, посмотри, как там с румпелем. Поправь, если крепеж расшатался, курс подкорректируй. Еще проверь, не провисает ли гроташкот, а то в такой сырости все может быть. Я пока посплю здесь в тепле, а потом сменю тебя на вахте. Не забудь через три с половиной часа передать в Монтевидео, в штаб, что все тип-топ, морской дьявол нас не схавал. Славная рифма, а? Знай бывшего филолога!

Сергей улыбнулся, согласно кивнул.

– А хорошо поговорили, правда? – вопрос Зарнова прозвучал скорее как утверждение.

...Очередной день гонки завершался. Дождь иссяк, воздух заполнила жемчужно-серая туманная мгла, через которую так и не могли пробиться лучи заходящего солнца.

«Кассиопея» бодро и резво шла на зюйд-вест, приближаясь к грозным водам пролива Дрейка.

3

Ничего нет мерзостнее летом – в смысле погоды, – чем когда над атлантическим побережьем вблизи Монтевидео застревает область высокого атмосферного давления и падает полный штиль. С гор ни ветерка, с залива тоже. Натуральная сковородка получается. Хуже – духовка.

...Тяжелый зной выдавливал крупные капли пота. Солнце палило немилосердно. Ни единого облачка на белесом, точно полинявшем от жары небе.

Эдуард Лайонс преодолел не более ста метров, отделявших его бежевый «Крайслер» с кондиционером от вестибюля «Хилтона», а сердце уже неритмично дергалось и во рту появился противный медный привкус.

«Слава Всевышнему, здесь прохладнее и воздух очищен, нет треклятой бензиновой гари. Когда латиносы научатся следить за чистотой выхлопа?! Но я что-то совсем потерял форму, а мне еще пятидесяти нет, – печально подумал он, подходя к лифту. – И это называется январь?! Как же мне опротивел Уругвай! Хочу домой, в Детройт. Лиззи, детишки... Поехали бы на виллу к ее папаше, на озеро. И чтобы на десять миль вокруг – ни одной яхты! Мороки с этой гонкой... Я же не яхтсмен, в конце-то концов, я вообще не спортсмен, я чиновник. Мало ли что в юности плаваньем занимался, на то и юность. Вот Роттенбергу жара нипочем, гонка ему не наскучит, то-то Фриц и держится... А почему? Фанатик, как и все они, кто под парусами ходили. Даже завидно, право слово. По-хорошему. Правда, Фриц и моложе меня лет на десять. Про физическую форму и говорить нечего... Эх, стыдно мне должно быть: хорош полномочный представитель МОК, сто метров прошел – и уже одышка».

Внешне Тедди Лайонс совершенно не соответствовал своей фамилии – она на русский переводится как Львов. Походил Эдуард скорее на добродушного немолодого медведя. Фигура у него была тяжеловатая, немного сутулая, с крупными длинными руками и короткими ногами. Очень характерная голова: блестящий круглый череп с остатками курчавых рыжих волос на макушке, подбородок сильно выдается вперед. В сочетании с толстой, чуть отвисшей нижней губой это придавало его широкому лицу флегматичный вид. Чем-то он здорово смахивал на Винни-Пуха из отличного советского мультфильма.

На десятом этаже «Хилтона», в люксе с видом на океан, снятом под штаб трансконтинентальной крейсерской гонки, Лайонса встретил член Высшего совета ИЯРУ Фридрих Роттенберг.

IYRU – это International Yacht-Racing Union, Международный союз яхт-клубов, основанный в 1907 году. Штаб-квартира IYRU и Высший совет Союза расположены в Лондоне, а в каждой стране – участнице Союза есть его представительства. Под эгидой этой организации проводятся все сколько-нибудь заметные соревнования в парусном спорте. Крейсерская гонка Монтевидео – Сидней не стала исключением.

Роттенберг был рослым, крепким, но стройным мужчиной лет тридцати с небольшим на вид, коротко стриженным, светловолосым и сероглазым. Мощная шея, отлично развитые мышцы рук и ног. Было в его внешности что-то от типажа «истинного арийца» с картин и плакатов времен Третьего рейха. При ходьбе Фридрих немного прихрамывал, но двигался легко и красиво.

Роттенберг был председателем германского отделения IYRU, членом Высшего совета этой организации. Жил он в Киле, столице немецкого парусного спорта.

Еще два года назад он по праву считался одним из самых сильных и титулованных яхтсменов-одиночек Европы, но на Балтийской регате Фридриху крупно не повезло: его швертбот опрокинулся, сам он сломал бедро. Перелом оказался сложным, и хоть сейчас хромота Роттенберга стала почти незаметной, об участии в гонках можно было забыть. Однако с его опытом,

умом и характером Фридрих Роттенберг быстро выдвинулся на первый план в руководстве Союза. Сейчас именно он отвечал за трансконтинентальную гонку со стороны IYRU, курировал и координировал ее проведение.

– Ничем не могу вас порадовать, Нед, – хмуро сказал он, даже не поздоровавшись с Лайонсом. – Они молчат уже больше суток. Пропущено два сеанса обязательной, – слышите – обязательной! – связи. За это время они могли уйти... Дьявол знает, куда они могли уйти в створе пролива Дрейка! Лишь бы не на грунт. Я думаю: не приостановить ли гонку?

В его английском слышался жестковатый немецкий акцент. Те, кто хорошо знал Фридриха Роттенберга, сделали бы вывод: Фриц волнуется, он не в своей тарелке.

Надо сказать, что отношения между Фридрихом Роттенбергом и Эдуардом Лайонсом были весьма непростыми. Они взаимно терпеть не могли друг друга, но вот работать вместе были вполне в состоянии.

– Чем это поможет русскому экипажу? – пожал плечами Эдуард Лайонс. – Бросить все яхты на поиски одной? Но яхтсмены – не профессиональные спасатели, у них попросту нет таких навыков. Да и технически это трудно: ваши кораблики не спасательные катера. Этак вы при поисках в тех гиблых местах рискуете еще пяток экипажей потерять. Оставьте, герр Роттенберг! Вы связались с российским НОК?

– С какой бы это стати? Я дал знать о... О возможных неприятностях руководству российской федерации парусного спорта. А национальный олимпийский комитет России... Это уж ваше дело. Хотите – связывайтесь. Но зачем? Наш Союз все равно обязан организовать спасательную экспедицию, хотя бы по уставу IYRU. Вот почему я хотел остановить гонку и бросить всех на поиск русской яхты. Хотя вынужден с вами согласиться: это не лучшее решение. Но у нас есть и другие возможности. Еще раз: зачем нам российский НОК?

– То есть как это зачем? – тон вопроса, который задал Лайонс, был преувеличенно удивленным. – Ваш вид спорта – олимпийский, хоть к крейсерским гонкам это не относится. Мало того, двое русских яхтсменов – члены национальной олимпийской сборной. Так пусть их российский НОК изыщет свои средства на организацию рейда своих же спасателей. Нет, мы, конечно, поможем. И деньгами, и людьми, и техникой...

Фридрих Роттенберг кисло-кисловато поморщился.

– Мне это... не по душе! Лишняя огласка. Вы вмешиваете во внутреннее, вообще говоря, дело нашего Союза постороннюю организацию. Тем более – национальную. Это... Это не в наших обычаях. Мы предпочитаем справляться сами. Традиция такая с давних времен среди тех, кто ходит под парусом.

Лайонс недовольно хмыкнул:

– Странноватый обычай. Мне его не понять. Речь о человеческих жизнях!

Роттенберг пожал плечами:

– Обычаи – не законы. Они не требуют понимания и объяснений.

– Возможно. Но в данном случае вам придется смириться с тем, что ваши обычаи, от которых пахнет откровенным снобизмом, будут нарушены, – сказал Эдуард достаточно жестким тоном. – Мне, герр Роттенберг, тоже кое-что не по душе. Ваша позиция. Стремление к келейности, боязнь скандала... Не хотите, чтобы история с пропавшей русской яхтой вышла за пределы вашего IYRU? Одно дело остановить гонку и бросить на поиски своих же, хоть это имеет мало шансов на успех, и другое – подключить к поиску постороннюю, по вашему выражению, организацию? А о тех двоих, которые, может быть, погибают прямо сейчас, в эту вот минуту, вы подумали? Ведь вы должны бы знать их лично...

– Я и знаю. Весьма неплохо.

– У вас хорошие отношения с этими людьми? Приходилось конкурировать с ними?

Серые глаза Фрица Роттенберга недобро потемнели.

– Вы что же, Тедди, не доверяете мне? Полагаете, что из каких-то неблагоприятных соображений я не хочу сделать все возможное, чтобы найти и выручить пропавший экипаж? Этак вы договоритесь до того, что я вообще терпеть не могу русских, потому что мой дедушка служил в Люфтваффе! Кстати, действительно – служил. Хвосты у самолетов заносил.

– Не говорите чепухи, Фридрих. Ничего подобного я не имел в виду. Просто я серьезно волнуюсь за жизнь двоих русских яхтсменов. Ведь две спасательные экспедиции лучше, чем одна, организованная исключительно силами вашего Союза. Так?

– Кто бы спорил, – крыть подобный арифметический аргумент Роттенбергу было нечем.

– Тогда какие возражения? Пусть будет две группы спасателей. От вашего IYRU. От российского НОК с нашей поддержкой. Они могут работать самостоятельно. Или объединиться, это уже детали. Это, кстати, еще не все! Неплохо бы подключить к поискам аргентинцев и чилийцев. Пограничников. Береговую охрану. Тут не до престижа вашего Союза и боязни огласки и скандала, тут людей спасать нужно. Согласны?

Теперь Лайонс говорил спокойно, медленно, как бы нехотя.

– Согласен, вы меня убедили, – кивнул в ответ Роттенберг. – Аргентинская береговая охрана уже задействована. Их вертолет покружился над местом последнего выхода русских на связь. И даже сместился миль на тридцать к югу.

– И что?

– И ничего. Побарражировали там в течение часа, пока горючего в обрез не осталось, затем убрались восвояси. Густой туман, ничего не видно. Безнадежное дело – искать их с воздуха при такой погоде, а она в ближайшие несколько суток навряд ли изменится. Нужно искать с воды.

– Этим и займемся. А что с системой GPS? На яхте стояла отличная аппаратура, они не только могли определяться сами. Их можно найти и независимо, вы пытались?

– Само собой. К сожалению, безуспешно. Хотя ответный сигнал мы должны были чуть ли не с океанского дна принять, тут вы правы. Но что-то сбоит.

Эдуард Лайонс призадумался.

– Вот что я вам скажу, – произнес он затем самым решительным тоном, – нужно обратиться за помощью к тем фирмам, которые поставили навигационное оборудование и средства связи. Да, к спонсорам.

– К южным корейцам? – совсем уж недовольным тоном протянул Роттенберг. – Этого только не хватало, зачем? Недолюбливаю я их. Азиаты из самых хитрых, одна выгода на уме.

Лайонс только руками развел. Он был неприятно удивлен, более того, обескуражен. Как тут можно вести нормальный диалог, предлагать что-то конструктивное и полезное? Что прикажете возразить человеку, настолько чуждому элементарной логике?! Недолюбливает он, видите ли, азиатов... Выгода, понимаете ли!.. А герр Фриц у нас романтик, что ему презренная выгода и прибыль! Что же корейским фирмам, об убытках мечтать?!

– Да как же до вас не доходит?! Они разработчики, их специалисты все монтировали. Кому же разобраться в причинах сбоя, как не им? Если повезет, то и наладить прием сигнала помогут, тогда мы узнаем координаты яхты. Понимаю, что координаты эти могут оказаться самыми э-э... неутешительными. Только это все же лучше, чем полная неизвестность. Словом, я с их представителями сам свяжусь, по каналам МОК. И не вздумайте возражать, это не обсуждается. Мало ли кто и по каким причинам вам не по вкусу.

4

Сегодняшний учебно-тренировочный бой у Александра Голавлева, известного на Черноморском флоте под напрашивающейся кличкой Голавль, решительно не складывался. Все шло не так, как Голавлев хотел, не по его сценарию. Минут уже более четверти часа с начала спарринга, а он не только ни разу не вступил в силовой контакт с противником, но вообще его потерял, и даже представления не имел, где теперь Павлов. Ушел к поверхности? Прижался к самому дну? Заплыл в угол бассейна и выжидает?

Какую тактику выберет Сергей Павлов? Если не атакует напрямую до сих пор, то, очевидно, попытается поймать на контратаке? А как – дистанционно или контактно? Пойди догадйся.

Голавль – рыба хищная, сильная и хитрая. Кличку такую Александр получил не только по созвучию со своей фамилией. Он заслуженно считался одним из лучших – если не самым лучшим! – подводным спецназовцем Черноморского флота, командовал особой группой боевых пловцов. Тактику он применял простую, но надежную, обычно она приносила спецназовцу успех. Саша Голавлев всегда стремился войти с противником в возможно более тесный физический контакт, потому что силой обладал медвежьей и ловок при этом был на удивление. Плюс к тому громадный опыт подводных стычек – не только учебных! – прекрасное владение особыми приемами подводного ближнего боя и очень неплохие мозги. Тоже дело далеко не последнее.

Драться на дистанции, используя гарпунники или оружие типа «СПП-1», Голавль не слишком любил. Из «СПП» тебя любая салага при соответствующем везении ухлопать может. То ли дело грудь в грудь сойтись, лицо в лицо... Точнее, маска в маску, учитывая специфику подводного боя.

Тренировочный бассейн, где проходил сегодняшний спарринг, располагался на специальной базе подготовки боевых пловцов, в поселке Головинка близ Сочи. Здесь, на «своем поле», да еще с таким характерным названием, созвучным с его фамилией, проигрывать тренировочный бой Саше очень не хотелось! Тем более что сверху, по бортикам бассейна, расположились не только инструктора, но и товарищи Голавля по боевому ремеслу. Им всем прекрасно видно то, что происходит в лабиринте.

Да, именно в лабиринте. Потому что бассейн был разгорожен по всему объему сложной системой специальных щитов. Разных по высоте и ширине. Они образовывали хитроумную систему тупичков, переходов, сквозных туннелей, камер, полузамкнутых полостей.

А чтобы еще сильнее затруднить бойцам ориентацию в получившемся лабиринте, инструкторы добавили в воду мелкодисперсный краситель, обычную метиленовую синьку. Аккурат в таком количестве, чтобы видимость упала до метра: вытянутую вперед руку еще можно разглядеть, а дальше клубится непроницаемая синяя муть, искусственный туман.

К чему такие сложности? Ну, не для того, чтобы поиздеваться над спецназовцами: это отработка и тренировка «ощущения опасности», своего рода шестого чувства. С этим загадочным чувством любопытно получается: оно у человека либо есть, либо нет. Во втором случае среди боевых пловцов подводного спецназа человеку не место. Мало ли других флотских специальностей! Но вот если такое врожденное, природное чувство имеется, то тренировать его, развивать и шлифовать не только можно, но и нужно.

В сегодняшний спарринг инструкторы поставили лучших бойцов. Это своего рода показательные выступления, мастер-класс. Пойдет методика – можно и к другим ее применять.

Экипированы Александр Голавлев и его противник были по полной программе: гидрокостюмы, кислородные баллоны и маски, подводный фонарь ХИС – химический источник света; оружие – специальный подводный пистолет «СПП-1». Только заряжен четырехствольный

пистолет не дротиками, а шариками с ярким карминовым красителем – тот же принцип, что и в популярном пейнтболе. Попали в тебя такой капсулой – все, ты убит.

Плюс к тому засчитываются имитации некоторых захватов и ударов, что в реальном бою привели бы к гибели врага. Скажем, сдернуть с противника маску. Или незаметно подплыть сзади и сорвать с его спины кислородный баллон. Или пережать в мертвом захвате дыхательные шланги. Или что-то еще в подобном духе, на то инструкторы есть, им сверху видно все, даже краситель не мешает. А еще ведь под водой, в дно и стенки бассейна, в щиты камеры слежения вмонтированы, от них точно ничего не скроешь!

Александр, медленно пошевеливая ластами, осторожно плыл почти под самой поверхностью воды. Голавль ставил на ближний бой, здесь он считал себя по крайней мере не слабее своего спарринг-партнера.

А соперник Голавлю достался сегодня весьма непростой! Североморец Сергей Павлов, близким друзьям известный как Полундра. Боец, знаменитый не только на родном Северном флоте, но среди всех российских морских спецназовцев. Что там! Среди зарубежных «коллег по ремеслу», скажем, американских «морских котиков», фамилия и прозвище североморца тоже произносились с почтительным и опасливым уважением. Доводилось Полундре сталкиваться с этими пушными зверями на узких подводных дорожках в разных уголках планеты. По-разному такие встречи завершались... Но то, что Павлов живой до сих пор, говорило о многом.

Голавлев на секунду всплыл, поднял голову над водой и окинул мгновенным взглядом поверхность бассейна. В этом был элемент риска: на короткое время он оставался беззащитным, с неприкрытой грудью и животом. Запросто можно капсулу с краской получить, если соперник каким-то образом отслеживает его действия. Но риск оказался оправданным.

Ага! Отлично, он не просчитался!

В дальнем левом углу бассейна воду рябили мелкие воздушные пузырьки. Теперь понятно, где отсиживается Павлов, выжидая удобного момента для контратаки. Но Полундра, вероятно, не думает, что Голавль увидит демаскирующие пузырьки, и попытается атаковать его прямо с поверхности, отвесно вниз! Это ж нужно было догадаться вынырнуть и оглядеться, а не шарить под водой почти вслепую.

В подводном бою, как и в бою воздушном, преимущество имеет тот, у кого больше высота и скорость.

«Значит, и здесь преимущество будет на моей стороне, – подумал Александр. – Свалюсь на него на скорости, сверху, как камень! А там один хороший рывок за маску... И дело сделано! Без пистолета обойдемся. Ну, вперед!»

Вот Голавль уже в нужном углу, теперь переход в «змейку» и стремительное пикирование вниз!

Три инструктора, наблюдающие сверху за перипетиями спарринга, понимающе переглянулись: похоже, все ясно. При таком раскладе у Павлова мало шансов. Обступившие бассейн черноморцы, сослуживцы Саши Голавлева, возбужденно загудели: это был народ опытный, они тоже решили, что победа в этом единоборстве у Голавля в кармане.

А вот ничего подобного! Не прошло и двух секунд после нырка Александра, как снизу поднялось ярко-красное пятно. Смешиваясь с метиленовой синькой, кармин давал прямо-таки изумительную цветовую гамму.

Еще через секунду метрах в трех от радужного пятна появилась голова в маске. Спецназовец выплунул загубник, отбросил на спину маску и облегающий капюшон гидрокостюма, с наслаждением вдохнул полной грудью.

Коротко стриженные светлые волосы, смеющиеся серые глаза... Полундра!

И тут же в углу показался на поверхности Голавль. Тоже сбросил маску, подплыл к Павлову, крепко пожал тому руку:

– Ну ты даешь! Силен! Не пойму, как это ты меня надул...

Сергей широко, открыто улыбнулся:

– Военная хитрость. Я запасной нагрудный баллончик снял, слегка приоткрыл вентиль, чтоб стравливало, и положил в угол. А сам залег чуть поодаль и задержал дыхание, чтобы в двух местах не пузырилось. И стал тебя дожидаться. Как вдохнуть-выдохнуть нужно, я к приманке. И сразу назад, в засаду. Минут пять тебя подстерегал.

– А я купился, – кивнул Александр, приобняв прямо в воде Полундру за плечи. – Поздравляю, Сергей. Но этот трюк в бассейне хорош, а если бы в реальной обстановке? На глубине метров в сорок? Тогда бы он не сработал.

– Тогда бы я еще что-нибудь коварное придумал, – весело рассмеялся Полундра. – Давай, Саша, вылезать, а то болтаемся с тобой тут, как кое-что в проруби. Сейчас нам инструкторы устроят разбор полетов. В смысле заплывов.

Придумал бы, это и к гадалке не ходи. Сергей Павлов славился именно способностью нестандартно мыслить, принимать в скоротечном подводном бою оригинальные, каверзные решения, сбивающие противников с панталыку.

Но «разбора полетов» на сей раз не получилось. Едва успели спарринг-партнеры выбраться из воды, как дверь громадного ангара, в котором располагался тренировочный бассейн, распахнулась. К группе боевых пловцов подходили двое.

Впереди шагал высокий мужчина с коротким седым «ежи́ком» и умными цепкими глазами. На нем была черная адмиральская форма. Были во внешнем облике пожилого моряка спокойное достоинство и властность. В профиль он здорово походил на известный «Портрет сановника» кисти Ганса Гольбейна, только без вельможного самодовольства, которое немецкий художник столь четко отобразил.

Этого человека прекрасно знали и очень уважали на всех флотах России. Петр Николаевич Сорокин. Живая легенда. Из тех немногих высших морских офицеров, на которых держится флот. Звезды на его погонах были заслужены не связями в Кремле, Белом доме или Генштабе, не покладистостью, переходящей в лизоблюдство, а каждодневным тяжелым, порой изматывающим трудом, умом и талантом. Кроме того, Сорокина отличали храбрость и умение нестандартно мыслить, смотреть на возникающие вопросы и проблемы с неожиданной точки зрения, то есть та же храбрость, только интеллектуальная. Он никогда не был карьеристом. Этот человек всегда стремился стать не «первым среди равных», а равным среди первых. И надо сказать, это ему удавалось. Причем так, что репутация Петра Николаевича оставалась незапятнанной, а авторитет – колоссальным.

Сорокин отнюдь не всю жизнь в кабинетах просидел, он начинал свою карьеру с мичмана, а времена те еще были! Времена необъявленных и не слишком масштабных, но жестоких войн. Северная Корея, Вьетнам, Ангола... Приходилось Петру Николаевичу и гореть, и тонуть...

О том, что ожидает Россию в ближайшем и отдаленном будущем, адмирал Сорокин был весьма мрачного мнения. Что не мешало ему работать, как проклятому, во имя блага России, так, как он это благо понимал. При всем том Петр Николаевич давно перестал надеяться, что его работа и работа его коллег принесет стране перемены к лучшему. Потому что единственное, что, как Сорокин полагал, стоило поменять, – самосознание народа, его, как принято сейчас выражаться, менталитет. Но это ни он, ни кто угодно другой изменить не в силах.

Сергей Павлов и адмирал Сорокин прекрасно знали друг друга: долгое время Петр Николаевич служил начальником оперативного управления штаба Северного флота, в Москву с повышением его перевели совсем недавно. Два этих моряка, при всей колоссальной разнице в званиях и служебном положении, испытывали друг к другу искреннюю симпатию и глубокое уважение. Не раз случалось, что задачи из разряда «невыполнимых» ставил Полундре и его команде «морских дьяволов» именно Сорокин.

Отставая на два шага, за адмиралом шла молодая женщина в обтягивающих джинсах и яркой спортивной куртке. Лица стоящих у бассейна спецназовцев приняли удивленное выражение: увидеть женщину здесь, на учебно-тренировочной базе боевых пловцов... Странно!

Женщина никак не подходила под стандарт «красавицы» и «топ-модели», господствующий сейчас на телеэкранах, в кино, в журналах мод. Но вот миловидной ее назвать было очень даже можно! Невысокая, с отличной фигурой и очень живым лицом, на котором выделялись большие чуть выпуклые глаза темно-карего цвета. Взгляд загадочный и пристальный, как у кошки. Волосы светлые, соломенного оттенка, коротко стриженные и очень густые. Светлые волосы и карие глаза – довольно редкое сочетание. Вроде бы признак аристократического происхождения... Губы у нее были пухловатые, чувственные, над ними типично славянский нос с очаровательной курносинкой. Брови тонкие, белесые, почти незаметные.

– Вольно, вольно, – махнул рукой Сорокин, подходя к группе спецназовцев, вытянувшихся в струнку. – Что это у вас лица, точно вы морского змея увидели? Удивляет визит моей спутницы? Так она здесь не из праздного любопытства, а по делу. Познакомьтесь: Людмила Александровна Белосельцева, представитель российского Национального олимпийского комитета.

Женщина сдержанно улыбнулась, кивнула. Меж тем взгляд адмирала остановился на Полундре.

– Вот его я и имел в виду, – тихо сказал Сорокин Людмиле, указав легким движением головы на Сергея. Затем адмирал подошел ближе к Полундре. – Здравствуй, Сергей. Рад тебя видеть.

Молодая женщина, которую только что представил адмирал, внимательно тем временем разглядывала Полундру.

Он был крупный, высокий, широкоплечий, с тонкой талией и очень мощными от постоянного плаванья мускулами ног. Короткие светлые волосы, широко посаженные серые глаза. Нос прямой, нижняя челюсть, пожалуй, тяжеловата. Его внешность оставила у Людмилы впечатление спокойной и уверенной в себе силы.

– Взаимно, товарищ адмирал! – по выражению лица Павлова сразу было видно, что он ничуть не кривит душой.

– Ты вот что... Переодевайся в темпе, нам нужно поговорить втроем. Ты, я и Людмила Александровна. Мы будем ждать тебя в штабе, в кабинете начальника базы.

5

Verdelita по-испански значит «зеленушка». Водится в Атлантике близ берегов Аргентины такая вкусная и очень красивая рыба. Кто знает, почему Хуан Педро Лопес, капитан и хозяин небольшой рыболовецкой моторной шхуны, назвал свое суденышко именно так? Не иначе зажаренная в кляре зеленушка была его любимым блюдом... Или за быстроту и проворство шхуны?

«Зеленушка» вышла из Рио-Гальегоса ранним утром, сейчас время приближалось к полудню, а улова – кошке пообедать! Не слишком сытно... Похоже, что в этот день рыбацкое счастье отвернулось от капитана Лопеса.

Океан был неспокоен, невысокие, но крутые волны с силой ударяли в корпус шхуны и порой обдавали брызгами палубу. Раз за разом две старенькие лебедки, поскрипывая блоками, вытягивали из серой воды кошелек трала. И Лопес с командой снова убеждался, что трал пуст, точно карманы пропойцы.

Сегодня рыбаки на «Зеленушке» вышли тралить мерланга. Еще на памяти Хуана Педро – владельцу шхуны шел шестой десяток – эта рыба считалась «условно съедобной», почти сорной. Отцу, тем более деду Лопеса никогда бы в голову не пришло ловить такую худосочную рыбешку. Но времена меняются! Худосочность мерланга из недостатка вдруг превратилась в достоинство. Сумасшедшие нортеамерикано и прочие гринго окончательно рехнулись на «здоровом образе жизни». Рыба, видите ли, должна быть нежирной! Совсем, понимаете ли, худой... Только тогда она не повредит драгоценному здоровью этих чокнутых! А в мерланге как раз днем с огнем лишнего жира не сыщешь. Да и с нелишним проблемы... Значит, самое то, ешь не хочу, и сплошная польза получается. Так что цена мерланга у оптовиков подскочила, и ловить его стало выгодным делом. Вот Хуан Педро и ловил. Выручки хватало, чтобы оплачивать горючее, аккуратно рассчитываться с немногочисленной командой «Зеленушки» и раз в год ремонтировать старую шхуну, которая досталась Лопесу в наследство от отца. Ну и откладывать по чуть-чуть. Словом, концы с концами он сводил, но не более того. Это ж только называется так: владелец рыболовецкой шхуны «Verdelita», на самом-то деле Хуан Педро мало чем отличался от десятерых своих рыбаков. И жил не намного богаче, и вкалывал наравне со всей командой. Одно слово – труженики моря, которым каждый песо потом дается.

Хуан Педро сплюнул за борт, подумав, что один морской дьявол разберет чокнутых гринго, с их неожиданно вспыхнувшей любовью к мерлангу. Он как-то раз ради любопытства попросил Марию Луизу, свою супругу, приготовить «условно-съедобную». Интересно все ж таки, что ты из океана день за днем вытаскиваешь, и чего находят привлекательного в мерланге, самой обыкновенной, по сути, треске, ненормальные нортеамерикано. И что же? Хоть Мария Луиза в кулинарии разбиралась, но получившееся у нее блюдо что вкусом, что консистенцией напоминало жареную подметку! Даже их черная кошка Карменсита только понюхала, брезгливо тронула лапкой, негодуя фыркнула и есть отказалась. То ли дело зеленушка, что жареная, что вареная, что копченая! От нее Карменситу за хвост не оттащишь. Вся в хозяина, понимает в рыбе толк.

С норд-веста, со стороны континента, все чаще налетали шквалы, напоздали низкие дождевые облака. Ветер крепчал, он задувал, казалось, со всех тридцати двух румбов сразу. Качка тоже усилилась, но какого же рыбака качкой испугаешь?

Мысли капитана Лопеса приняли иной оборот. Невеселый. Как дальше поступить, коли день такой невезучий? Нет, право, трал будто не в океан, а в фонтан на центральной площади родного Рио-Гальегоса забрасываешь... Вернуться домой, к знакомому причалу? Самое бы лучшее, вот только... Этак ведь раз не повезет, второй раз пустым вернешься, третий... Не заметишь, как в долги залезешь.

Он сердито нахмурил густые брови, стиснул зубы. Нет! Нужно хотя бы стоимость израсходованного горючего оправдать. Значит, нужно идти на зюйд-ост, к Огненной Земле. Даже еще южнее. Там рыбы побольше, потому что соваться туда желающих мало. Кроме того, Лопес знал там несколько богатых мелководных банок, где водилась хенетида, ледяная щука. Рыба редкая, дорогая. Тралом ее, само собой, не выловишь, но у него на «Зеленушке» и другие снасти имеются. Никуда щука не денется, глядишь, еще и с прибылью останемся. Если совсем повезет, то можно и парочку тунцов добыть, наживка для них используется такая же, как для хенетиды. В летнее время года тунцы порой заплывают в эти негостеприимные субантарктические воды. Здесь проходит южная граница распространения этой ценной рыбы.

Погода, правда... Б-р-р-р! Облака опустились еще ниже, из них стал сеяться мелкий холодный дождик, окрасивший все вокруг в тускло-сизый цвет. Его капельки испещрили мелкой рябью волны, которые неумоимо накатывались на борт «Зеленушки», гулко, словно в барабан, били в пустой, не заполненный уловом трюм.

Лопес коротко и хрипло отдал несколько команд. Рыбаки, особенно те, кто постарше, недовольно заворчали: в такую погоду идти к проливу Дрейка? Э-хе-хе!.. Ни один дурак так делать не будет. Умный – тем более. Но ворчали они именно что себе под нос: Хуан Педро Лопес славился неукротимой натурой, редкостным упрямством и тяжелым характером. Говорили также, что Лопес отличается абсолютным бесстрашием, что он боится только своей жены Марии Луизы и имеет на это вполне основательные причины.

Но невеликую команду капитан крепко держал в кулаке. И платил без обмана, справедливо. На место любого с «Зеленушки» сколько угодно желающих найдется – с занятостью в Рио-Гальегосе дела обстояли неважно, как и во всей Аргентине.

Никому из рыбаков не хотелось куковать на берегу без работы. Так что особенно роптать не приходилось: на юг так на юг. «Verdelita» – суденышко хоть маленькое, но надежное. Авось, поможет святая мадонна Гальегосская!

Нос шхуны развернулся влево, и она резво побежала по волнам в сторону острова Огненная Земля. Теперь ветер давил в правую скулу «Зеленушки», все сильнее отжимая ее в океан.

Через четыре часа быстрого хода шхуна вплотную приблизилась к первой из заветных банок, где капитана Лопеса поджидала ледяная щука. Как выяснилось, не только она...

Вот уже более получаса Лопес сквозь мощный бинокль внимательно вглядывался в океанскую даль. Здесь нужно было держать ухо востро, иначе можно и на айсберг напороться, они в этих субантарктических широтах нередкие гости. Пусть в это время года среди них нет слишком крупных, но и «Verdelita» отнюдь не «Титаник». Тем более что дождик сменился туманом, видимость упала до полумили.

Уже вовсю чувствовалось дыхание Белого континента: с юга тянуло пронизывающим холодом. На свинцово-серой воде выделялись там и сям плоские белые пятна – осколки ледяных полей, оторванные течением и ветрами от антарктического материкового припая. Осколки хоть небольшие, но тоже представляют реальную опасность, так что приходилось смотреть в оба.

Капитан еще раз прижал к глазам окуляры бинокля. Стоп! Что это такое непонятное виднеется впереди по курсу, кабельтовых в шести? Как раз там, где дно поднимается и образует нужную ему мелководную банку? Лопес вгляделся пристальнее.

Какой-то темно-коричневый шест, на нем бьется под порывами ветра что-то цветастое, желтое с оранжевым. Ага! Понятно. Это верхушка мачты небольшой парусной яхты с обрывками парусов. Похоже, что яхта села на мель в самом центре банки.

Тут Лопеса осенило. Он вспомнил, как вчера алькальды порта Рио-Гальегас оповестили капитанов всех судов, приписанных к порту, что между Фолклендами и проливом Дрейка пропала одна из яхт, участвующих в трансконтинентальной гонке. Лопес тогда еще неодобрительно подумал, что он со своими рыбаками каждый день выходит в океан, чтобы заработать на

жизнь, а эти бездельники лезут морскому черту в зубы исключительно по собственной дурости! С жиру бесятся. Не иначе нортеамерикано или еще какие придурковатые гринго. Что с них взять!..

Через минуту с борта «Зеленушки» на воду спустили двухместную надувную лодку с подвесным мотором. Подходить вплотную к сидящей на мели яхте непосредственно на своей шхуне Хуан Педро опасался: как бы самому ненароком рядышком не пристроиться. Он спрыгнул со штурмтрапа в лодку и, заложив крутой вираж, направил ее к потерпевшей крушение яхте.

Сейчас посмотрим, что там такое. Если экипаж все еще на яхте, то он снимет людей и доставит их на борт своей «Зеленушки». Еще двоих надувная лодка выдержит.

Нет, на накренившейся палубе маленького суденышка никого не видать. Может быть, в кокпите? На крейсерских яхтах такого класса он частенько бывает крытым, это опытному моряку Лопесу было прекрасно известно. Некоторое время Лопес кричал на ломаном английском, давая понять, что пришла помощь. Без всякого результата.

Может, они там с травмами, с переломами, не в состоянии выйти на палубу? Или вовсе без сознания?

Проклинаю свое сегодняшнее невезение – мало ему своих забот! – Хуан Педро принятовил швартовочный конец к штагу яхты, подпрыгнул, подтянулся и перевалился на палубу.

Нет, в кокпите тоже никого не оказалось. Лопес прошелся по борту в поисках спасательного плотика с НЗ: такой непременно должен быть на подобном судне, без него никто яхтсменов в море не выпустил бы. Плотика аргентинец не обнаружил. На плотике уплыли? Но зачем?! Это же в подобных условиях почти стопроцентное самоубийство!

Лопес недоумевал. Что же получается? Да, ниже ватерлинии у яхты имеется основательная пробоина, скорее всего от столкновения с теми самыми осколками плавающих ледяных полей. Но яхта же не на открытой воде, там с такой дырой в борту она в момент булькнула бы на грунт, она достаточно надежно на мели сидит! Так зачем, скажите на милость, экипажу сниматься с яхты на крохотном спасательном плотике?! Что они, на плотике хотят пройти полтора миль до ближайшей суши? На веслах? В этих-то водах?! Оптимистом на грани идиотизма нужно быть, чтобы на такое всерьез рассчитывать.

Куда разумнее оставаться на борту и срочно вызывать помощь! Двадцать первый век на дворе, так что, у них средств связи не было? Никогда в такое Лопес не поверит.

Когда Хуан Педро повторно заглянул в кокпит и осмотрелся повнимательнее, его изумление достигло крайних пределов. На крохотном, сильно покосившемся складном столике стояли две открытые, но нетронутые жестянки с саморазогревающейся готовой пищей, кусочки мяса с нехитрым гарниром. Рядом – две чистые пластиковые вилки, галеты и два стаканчика с темной жидкостью, один из них опрокинулся. По запаху – кофе. Чуть поодаль, в углу кокпита – вскрытая пачка каких-то иностранных сигарет, зажигалка, пепельница из пустой консервной банки.

Складывалось полное впечатление, что экипаж яхты собирался мирно пообедать – или поужинать, – но случилось нечто, и стало не до еды. Допустим, как раз в этот момент яхта села на мель. Но почему они позже-то не поели? Перед тем, как зачем-то удирать в открытый океан на спасательном плотике? Неужели так испугались, что аппетит отбило?

Чушь собачья, не из-за чего в такой ситуации было особенно паниковать. В конце концов, ведь не парочка же юных католических монашек на борту находилась! По тому, как представил себе случившееся Лопес, совершенно точно выходило: не было непосредственной угрозы для жизни экипажа. Вот не было и все! Любой нормальный человек на их месте сперва связался бы со штабом гонки – или как там у них это называется? – передал свои координаты, затем спокойно закончил бы обед и стал бы дожидаться спасателей. Нужно было просто ждать, ни в

кчем случае не покидая яхту на ненадежном спасательном плотике. Он ведь и средств связи не имеет, да и найти такую крохотульку в открытом океане – чудо из чудес.

Тут-то Хуан Педро осознал, что именно зацепило его внимание, еще когда он только подходил на своей надувной моторке к яхте. Состояние и расположение такелажа относительно рангоута было каким-то странным, неправильным! Лопес в молодые годы тоже ходил под парусом, он не так уж плохо разбирался в этих деталях. Сейчас Лопес ясно понял, что его насторожило: в такое нелепое состояние такелаж мог прийти, если бы яхтой какое-то время вообще никто не управлял! Если бы она сама по себе носилась по воле волн и ветра, как бог на душу положит. А уж потом, пустая, без людей, села на мель. Кстати, именно на мели яхту, скорее всего, осколком льдины по борту и чиркнуло! Случись такое над глубоким местом, яхта давно лежала бы на дне.

Лопес суеверно трижды плюнул через левое плечо и размахисто перекрестился, помянув мысленно святую Деву Марию Гальегосскую. Ему невольно вспомнилась жутковатая история с американской бригантиной «Мария Селесте», известная почти каждому моряку.

В 1872 году одно из английских судов обнаружило дрейфующую бригантину. Пятьдесят два человека экипажа «Марии Селесте» бесследно исчезли, но при этом в кубрике был накрыт стол, на котором в тарелках дымилось жаркое. Ни смерчей, ни штормов в районе обнаружения бригантин не наблюдалось. Запасы рома остались нетронутыми. Куда исчезли моряки, непонятно до сих пор...

По хребту Хуана Педро прошел холодок. И совсем не от южного ветра, берущего разбег над ледяными пустынями близкой Антарктиды. Затем началось нечто вовсе странное и злое.

Все вокруг потеряло четкость и контраст, стало словно бы однотонным. Мир подернулся вуалью, точно плохо проявленная фотография. Аргентинец ощутил, как на него накатывается жуткая слабость. Все его тело покрылось липким холодным потом, пальцы рук онемели, точно Лопес долго держал их в ледяной воде. Даже глубоко дышать было трудно. Сердце зачастило, гулко забухало о ребра, будто желая вырваться из грудной клетки, а затем ухнуло куда-то вниз. Сквозь липкий туман, застилающий сознание, пробивалась единственная мысль: нужно срочно, не теряя ни секунды, сматываться отсюда. Куда угодно, лишь бы подальше!

На подгибающихся ногах Лопес кое-как выбрался из кокпита на палубу яхты. Позже он не мог четко вспомнить, как отвязывал швартовочный конец, как оказался в своей надувной лодке, как заводил мотор.

В себя он пришел лишь на полпути к своей шхуне, хоть в висках и над бровями все еще точно отбойные молотки грохотали.

Поднявшись на палубу «Зеленушки», Хуан Педро первым делом выпил полный стакан наполовину разведенного спирта, и только после этой медицинской процедуры дрожь в руках немного унялась, а мир вернул себе обычные краски, запахи и звуки.

Затем Лопес дал радиogramму в Рио-Гальегос. Он сообщил координаты найденной яхты – система GPS и на «Зеленушке» имелась – и то положение, в котором яхта сейчас пребывает. Экипаж не обнаружен. Спасательного плотика не найдено. Первый же приличный шторм сметет яхту с мели и она быстро потонет. О своих необычных ощущениях Лопес ничего говорить не стал.

В ответной радиogramме капитану Лопесу предложили попытаться завести под пробойну в борту яхты пластырь, взять ее на буксир и доставить в Рио-Гальегос. Лопес ответил категорическим отказом. У него своих дел по горло, на борту нет специалистов, он не может рисковать своей шхуной... И вообще: пусть всеми дальнейшими манипуляциями с яхтой занимаются те, кому это по штату положено. Ему и его команде за это денег никто не заплатит, а даром в наше время даже кошка Карменсита не мяукает.

Вполне разумные и убедительные доводы, но на самом-то деле Хуан Педро Лопес знал: за все сокровища морского дьявола, без которого тут явно не обошлось, «Зеленушка» больше не приблизится к этой яхте даже на милю!

6

У столицы Южной Кореи та же географическая широта, что у Тегерана, Афин или Лос-Анджелеса, так что в последних числах января здесь уже совсем тепло, весна в разгаре. Климат смягчают и влажные западные ветра с Желтого моря. Уже проклюнулась на газонах молодая травка, набухли почки на китайских акациях и мимозах. Не пройдет и двух недель, а в садах и парках Сеула появятся желтые звездочки нарциссов, вспыхнут пушистым сиреневым пламенем цветы ирисов...

Сухощавый и высокий для корейца молодой мужчина лет двадцати пяти – тридцати в строгом европейском костюме классического покроя молча смотрел из окна приемной председателя совета директоров одной из самых известных южнокорейских фирм на панораму столицы. Головной офис фирмы располагался на пятидесятом этаже небоскреба в самом центре Сеула, так что вид открывался впечатляющий.

Молодого мужчину звали Кай Чун Бань, и он был широко известен. Правда, в очень узких кругах... Последнее более чем устраивало Кай Чун Баня, он с радостью сузил бы эти круги еще сильнее, а свою известность свел бы на нет. Лишь дураки, как правило, мечтают о славе. Хотя бы и скандальной. Комплекс Герострата. В корейской истории тоже имелся сходный персонаж. И тоже плохо кончил, хоть и прославился на века...

Умный человек не любит оказываться в центре внимания окружающих.

Бывало, и не раз, что Кай Чун Бань пытался представить себя в другой обстановке, другой жизни, с иной профессией, совсем другим кругом общения... Получалось плохо: воображение неизменно отказывалось подчиняться ему. И тогда он думал, что, видимо, и впрямь существует некая таинственная могучая сила, незримая, но куда более значительная для человека, чем законы Кеплера или Ньютона, по которым Земля вращается вокруг Солнца. Можно называть ее судьбой, как широконосые западные варвары, можно кармой, колесом сансары, как последователи учения Гаутамы Будды, суть от этого не изменится.

Кстати, сам молодой кореец, задумчиво разглядывающий Сеул с высоты пятидесятого этажа, был скептиком, агностиком и ни в каких богов не верил. Просто сейчас он, чтобы скоротать время ожидания, возвращался к занимающим его мыслям, по-своему медитировал.

Но как же свободная воля? Неужели все мы только пешки на шахматной доске жизни? С этим Кай Чун Бань согласиться никак не желал. Он сам хотел почувствовать себя игроком, манипулировать другими людьми, двигать их, точно резные фигурки из красного дерева или слоновой кости.

Кореец как бы выпал из потока времени за созерцанием и размышлениями, но тут на столе у секретаря – женщин на такую должность в Южной Корее брать не принято – призывно мяукнул сигнал селектора.

– Пройдите, глубокоуважаемый! – секретарь поднялся со стула, изобразил почтительный полупоклон.

– Доброго здоровья и цветущего долголетия вам, уважаемый! – приветствовал Кай Чун Бань хозяина кабинета, прикрыв за собой дверь. – Я вынужден был ждать в приемной целых семь минут. Такое пренебрежение пунктуальностью несколько удивляет.

В Корее очень серьезно относятся к ритуалу и церемониалу, по малозаметным тонкостям которых можно судить о многом. Кай Чун Бань поздоровался с председателем совета директоров как с равным. И не постеснялся упрекнуть его.

Тот встал из-за громадного стола, приветственно кивнул:

– И вам желаю цветущего долголетия и доброго здоровья! Приношу вам свои глубочайшие извинения. Наш разговор, как вы понимаете сами, уважаемый, носит строго конфиденциальный характер. А у меня на приеме был один из держателей крупных пакетов,

член контрольно-ревизионного совета акционеров нашей фирмы. Мне стоило больших усилий достаточно вежливо прервать затянувшуюся беседу с ним, я немного не успел. Однако еще раз прошу у вас прощения за эту досадную накладку.

Кай Чун Бань слегка наклонил голову, принимая извинения.

Было видно, что эти люди встречаются не в первый раз. То, что они, приветствуя друг друга, опустили имена, свидетельствовало о том же.

Уже через несколько минут разговор, несмотря на безукоризненную вежливость собеседников, приобрел напряженный характер.

– Это была ваша идея, установить наше оборудование. Я не могу себе позволить поставить под удар репутацию фирмы. Вы упрекаете меня за случайную семиминутную задержку, а сами?

– За мою идею вы с радостью ухватились, – голос Кай Чун Баня оставался совершенно спокойным, а выражение лица непроницаемым. – Это раз. Лишь небожителям, в которых я не верю, дано предусмотреть все. Это два. Позволю себе заметить, что хоть авторство идеи действительно принадлежит мне, в ее реализации были заинтересованы и другие люди. Очень серьезные. Которые должны были растолковать вам, что здесь затронуты не только и не столько ваши интересы. Это три. Короче: чего вы хотите от меня, уважаемый?

– Вы должны исправить свою ошибку, уважаемый! – а вот голос председателя совета директоров ощутимо дрогнул.

– Ничего я вам не должен, это вы меня с кем-то перепутали. Ошибок своих я не усматриваю, разве что невезение, но от него не застрахован никто. Великий Лао Цзы учил: «Муж, обретший путь, подвергается опасности. Лишь муж, стоящий на месте, не подвергается опасности. Но можно ли именовать его мужем?» Я далек от даосизма, но здесь старый китайский мудрец прав. Лишь вообще ничего не делая, можно рассчитывать на неизменный и полный успех. Возвращаясь к теме пути: не пора ли нам с вами расстаться навсегда и идти дальше своей дорогой? Я не люблю чувствовать на своей шее ошейник, кто бы ни держал поводок! Разве что за одним исключением, но к вам-то оно отношения не имеет. И мне не нравится назойливость!

– Вы не можете так поступить! – взволнованно сказал председатель совета директоров. – Вы не можете разорвать наше сотрудничество в столь сложной ситуации, да еще в одностороннем порядке.

– Вот как? Почему, позвольте узнать? – голос Кай Чун Баня по-прежнему звучал ровно, а выражение лица ничуть не утратило невозмутимости.

– Хотя бы потому, что упомянутые вами очень серьезные люди также будут весьма недовольны таким оборотом дел. Кроме того, – с лисьей вкрадчивостью сказал председатель совета директоров, – я ведь догадываюсь, о каком исключении вы говорили. Да-да, относительно ошейника, поводка и тех, кто его держит... Так не лучше ли вам самому исправить собственную недоработку, не дожидаясь, когда за поводок дернут? А дернут ведь!..

На некоторое время в кабинете воцарилось напряженное молчание.

– Хорошо, – медленно произнес Кай Чун Бань. – Вы меня убедили. Хотя я продолжаю считать, что ошибок не было.

– Но вы заверяли, что не останется никаких следов!

– Не останется. Это вопрос времени, – слегка пожал плечами Кай Чун Бань.

– Вот именно, и этого времени у вас чрезвычайно мало. В случае чего я приложу максимум усилий, чтобы вся ответственность легла на вас. Стоит ли объяснять, что при таком прискорбном обороте событий ваша репутация понесет невосполнимый урон? Я предупредил наше чилийское и аргентинское представительства, и вам, глубокоуважаемый, будет оказано содействие, какое только возможно: людьми из службы собственной безопасности нашей фирмы, финансами, техникой, любой потребной информацией. Вы вылетаете сегодня же...

Кай Чун Бань поднял на собеседника взгляд своих черных глаз, холодный, как вода в декабре:

– Я вылечу тогда, когда сочту нужным вылететь. Но в данном случае вы, уважаемый, попали в центр мишени. Это случится сегодня.

7

– Вопрос можно, Петр Николаевич? – была у Полундры такая, очень им ценимая, привилегия: «вне строя», в деловом разговоре один на один, когда Сорокин ставил ему задачу и они начинали вслух рассуждать вдвоем, как ее лучше выполнить, обращаться к адмиралу не по званию, а по имени-отчеству.

Сорокин, который в свое время и предложил Сергею обращаться к нему не по уставу, хотел подчеркнуть этим: сейчас нам с тобой, Полундра, звания и звезды на погонах не важны. Мы – два профессионала, два офицера российского флота, которые делают одно общее дело. А субординация вторична. Адмирал как бы показывал старлею Павлову: я считаю с твоим мнением, я доверяю тебе.

После того как Сергей Павлов двумя годами ранее вернулся с победой из совершенно немислимого, фантастического схлеста – а ставил ту запредельную задачу не кто иной, как Петр Николаевич, – адмирал Сорокин сказал ему: «Во всем нашем флоте можно найти лишь полдюжины парней, на которых я могу абсолютно положиться, и ты один из них».

Полундра именно так эту свою привилегию воспринимал и очень таким отношением к себе гордился.

Существовала здесь еще одна тонкость. По глубокому убеждению адмирала Сорокина, Полундра давно дорос до капитан-лейтенанта, если не до кап-три. А Павлов до сей поры оставался старлеем! Характер у него был слишком независимый, ершистый, плохо Сергей Павлов уживался с непосредственным начальством. Слишком часто Полундра, по мнению этого самого начальства, руководствовался не буквой, а духом и смыслом приказа, слишком охотно шел нестандартными путями и брал ответственность на себя. А потом, когда приказ благодаря инициативе и решительности Полундры оказывался с блеском выполнен, он не скрывал своего мнения и не стеснялся указать начальству на его ошибки. Так уж Сергей Павлов был устроен...

Кому же подобное поведение подчиненного понравится? Адмиралы Сорокины встречаются редко... Это Петр Николаевич, когда дело касалось работы, не обращал внимания на должности, звания и чины.

Вот и придерживали Полундру на служебной лестнице, благо формальных поводов для этого Павлов давал сколько угодно. Тут даже Сорокин ничего поделать не мог, и без того Полундра считался его любимчиком.

Сорокин только досадливо морщился, когда до него доходили слухи об этом. Ага, побольше бы таких адмиральских любимчиков! Чему завидовать? Тому, что самая головоломная боевая работа, самые сложные, почти невыполнимые оперативные задачи неизменно сваливаются на голову старшего лейтенанта Сергея Павлова? Тому, что у старшего лейтенанта Павлова боевых наград столько, что иному каперангу не снилось? Так они честно заработаны.

Сам Полундра искренне недоумевал, когда подобные разговоры затевал кто-либо из его сослуживцев, не обремененный лишним умом. Прояви, дружок, себя в деле, покажи себя асом подводного боя – и будут тебе мои «привилегии» по полной программе, так, что только держись!

Словом, Сорокин не без основания считал, что с Полундрой поступают несправедливо, не давая ему подниматься по служебной лестнице так быстро, как он того заслуживал.

Так вот, своей манерой общаться с Полундрой, тем, что Павлов был одним из немногих людей, который мог в разговоре говорить ему «Петр Николаевич», Сорокин словно бы немного компенсировал эту несправедливость.

– Можешь не трудиться, Сергей, – слегка усмехнулся адмирал Сорокин. – Ты хочешь спросить, при чем тут мы, верно я угадал?

– Вот именно, – кивнул Полундра. – Мы ведь ВМФ, а не ведомство моего тезки! Спасательные операции скорее по их части.

Они сидели за рабочим столом начальника учебно-тренировочной базы «Головинка» втроем: адмирал Сорокин, старший лейтенант Павлов и дама, которую Петр Николаевич представил как Людмилу Александровну Белосельцеву. Она покуда не вмешивалась в разговор, не сказала еще ни слова, лишь время от времени поднимала на Полундру загадочный, какой-то изучающий взгляд своих красивых темно-карих глаз.

«К чему бы здесь эта миловидная спортивная чиновница? – думал Полундра. – Представитель НОК, или кто она там? Что-то я забыл: яхтинг – олимпийский вид спорта? Или нет? Кажется, да. Впрочем, куда более странно другое. Петр Николаевич – фигура о-го-го какая! И вот он прилетает сюда из Москвы из-за рядового, вообще говоря, несчастного случая. Разбираться с которым, кстати, совершенно не наше дело. Мы все больше не спасаем, а вовсе даже наоборот... Неужели у Сорокина поважнее работы не нашлось?»

– Это ты прав, что мы не МЧС. Но и нам не только же окаянствоваться на морях-океанах, можно и спасти кого-нибудь из наших. Ради разнообразия, – сказал адмирал Сорокин, словно прочитав несколько недоуменные мысли Полундры.

Петр Николаевич не улыбался, его тон был абсолютно серьезным. Лишь в глубине глаз мерцали озорные искорки.

– Словом, приказ организовать участие ВМФ в этой спасательной операции я получил с самого верха, – продолжил адмирал. – Это первая причина.

«Которую девать некуда, – усмехнулся про себя Полундра. – Приказ есть приказ, его не обсуждают. Только немного найдется людей, которые могут Петру Николаевичу приказывать... Может, там, на самом верху, кто-то фанатично влюблен в парусный спорт? Или один из пропавших яхтсменов доводится ему родней? А... Какая мне разница? Прикажут спасать – буду спасать. Дело-то благородное».

– Теперь посуди сам, – Сорокин встал из-за стола и принялся расхаживать по кабинету, была у Петра Николаевича такая привычка: шагать взад-вперед и рассуждать вслух. Адмирал как-то говорил Полундре, что, когда он разъясняет мотивы своих решений, они ему самому понятнее становятся. – Раз в спасательном рейде должен принять участие флотский и выбор кандидатуры за мной, то кого же мне послать? Старлей Сергей Павлов прекрасно подходит на кандидатуру представителя ВМФ, тебе не кажется? Первое: я тебя, Сережа, успел узнать и верю в тебя, ты меня ни разу не подводил. В твою удачу тоже верю, а это очень важно. Пусть сухопутные штабные крысы думают что хотят, но я-то знаю: удача, фактор везучести – это такая же реальность, как рост, вес, сила мышц, быстрота реакции... Ты – везучий. Далее: у тебя отличные водолазные навыки. Ты превосходно умеешь работать в холодных морях. Там, под водой, что арктические моря, что антарктические – невелика разница. А ты из Североморска, и опыта тебе не занимать.

Полундра удержался от очередного вопроса, но про себя подумал, что он все же не водолаз, а боевой пловец. Существенно различающиеся специальности! Но кто-кто, а Петр Николаевич знал это не хуже самого Полундры. Получалось, что Сорокину нужен в спасательном рейде такой водолаз, который может, если понадобится, постоять за себя и дать отпор. Только вот кому? Акулам с осьминогами? Взбесившемуся кашалоту? Великому Морскому Змею?

Кстати, в теплых водах Полундра тоже мно-ого чего интересного понатворить успел...

– Второе: мне нужен там человек, который не только тигровую акулу наизнанку вывернет, кракена оседлает и якорную цепь зубами перекусит, но и соображать умеет. Разбирается в стратегии и тактике, причем не только подводных схваток. Просто отличный боевик, вроде твоего сегодняшнего спарринг-партнера, меня не устраивает. В этой спасательной экспедиции придется пошевелить мозгами. Это мне, знаешь ли, интуиция подсказывает. И многолетний опыт.

В интуицию Сорокина Полундра верил безоговорочно. Равно как и в его опыт. Только совершенно явственно Сергей чувствовал: что-то адмирал недоговаривает. Есть у Петра Николаевича некие резоны, согласно которым там, на месте, Полундре придется все решать самому, брать на себя ответственность и не рассчитывать на опеку и помощь.

Что хорошо – в смысле психологии – для тех, кто ходит «под погонами»? Возможность сказать себе: начальству виднее! Если ты искренне уважаешь начальника, доверяешь ему, то вообще нет никаких проблем. Радостно и с доверием подчиняешься старшему. Принцип «дзюо», основа самурайского кодекса Бусидо! А таких изумительных вояк, как японцы, днем с огнем не сыщешь.

Адмиралу Сорокину Сергей Павлов доверял абсолютно.

Вот, значит, и будем радостно, с доверием подчиняться. Пусть Сорокин недоговаривает. Когда и если появится такая необходимость, Петр Николаевич сам расскажет о деталях.

– Перехвалите, господин адмирал! – Сергей чуть заметно кивнул в сторону молчаливой Белосельцевой.

Спортивная дама, однако, заметила этот жест. Глазастая оказалась...

Она тоже встала из-за стола, потянувшись при этом, как кошка. Улыбнулась. Посмотрела прямо в глаза Полундре.

С первого взгляда, тогда, у бассейна, Людмила Александровна напомнила Сергею именно кошку. Но не домашнюю уютную мурлыку, которой нужен только мягкий матрасик да миска с «Китти-Кэт», не игривого котенка, а беспощадную ночную хищницу, которую от киплинговской пантеры Багиры разве что размеры отличают. Упаси боже встретиться с такой на узкой дорожке. А «размеры» в человеческом обществе – дело наживное. Чай, не джунгли. В том смысле, что много сквернее...

– Вас не перехвалишь, как можно, – голос у Белосельцевой оказался низким, привлекательно хриловатым и с теми глубокими грудными обертонами, на которые любой нормальный мужик клюет с ходу, не задумываясь. – Я, Сергей Николаевич, и так про вас слышана. Морской дьявол, супермен... Не стану скрывать: кого именно из доблестных суперменов взять в помощники, зависело от меня и моего начальства.

Некоторые женщины владеют замечательным искусством: одним тоном они могут выразить то, на объяснение чего мужчине понадобился бы не один десяток слов.

Сейчас в подтексте явственно слышалось: «Пусть ты трижды Ихтиандр и морской дьявол в одном флаконе, но в спасательной экспедиции будешь именно помощником. Моим».

– Поисковую группу, в состав которой вы войдете, возглавляю я, – Белосельцева улыбнулась. – Настроение не испортилось, Сергей Николаевич?

– Сергей Николаевич... Слишком официально. Давайте просто Сергей, – улыбнулся в ответ Полундра. – А я вас Людой стану величать, пойдет? Или лучше Милой? И сразу, без выпивки на брудершafft, на «ты» перейдем, коль мы в одной упряжке. Как вам такое предложение?

– Вполне устраивает. Договорились. Выпить успеем, когда наших яхтсменов спасем. Милой не стоит, у моей бабушки корова была, Милка. Лучше Людой. Я ведь на корову не похожа, как считаешь?

Петр Николаевич Сорокин, с трудом сдерживая смех, смотрел на эту словесную дуэль. Полундра дуэль, по крайней мере, не проигрывал. Все правильно, нужно сразу определить свое положение в группе. Если мадам Белосельцева предполагала, что ей предстоит иметь дело с тупым роботом-терминатором, у которого одна извилина, да и та прямая... Вот пусть и убедится, что это далеко не так.

– Что там корова Милка! – мечтательно вздохнув, сказал Полундра. – С кличками – это вообще что-то... Моей бабушке немного за восемьдесят, живет в крохотной деревеньке под Псковом. Корову уже потянуть не может, но свинья есть. Кличка – Лерка. В честь Валерии

Ильиничны Новодворской. И три подсвинка: Демократ, Делегат и Депутат. Соответственно, если кратко, – Димка, Лега и Путя. Вот как поеду к бабуся в следующий раз, придется какого-то кабанчика резать. По всему получается, что Путя! Одна беда: больно уж созвучие многозначительное... Представь, Люда, а вдруг бабкины соседи решат, что это неспроста? Народ у нас сейчас бдительный и мнительный, спасибо телевизору. Не зря его Высоцкий «ящиком для идиотов» приложил. Ну не собираюсь я стрелять во всенародно избранного президента из крупнокалиберной рогатки с оптическим прицелом, но пойдй докажи это державно настроенным односельчанам бабушки! Как бы не стукнули, куда следует, что окаанный спецназовец на кабанчике только тренируется. Хлопот ведь не оберусь! А на корову ты, кстати, совершенно непохожа. Скорее на козу. Опасную такую козу, от которой волки, поджав хвосты, бегают.

Белосельцева не выдержала, расхохоталась.

– Похоже, я в тебе не ошиблась. С чувством юмора все в порядке. Это радует.

– А уж меня-то как радует! Послушай, Люда, с чего ты взяла, что у меня настроение испортится?

– Ну, мало ли... Вдруг тебе жутко унизительным покажется подчиняться женщине...

– Мне всегда жутко унизительным было подчиняться дуракам, – вновь усмехнулся Полундра.

– Что, приходилось? – осведомилась Белосельцева с выражением неподдельного интереса на лице.

– А то нет. От такой напасти даже Петр Николаевич не застрахован. Мы под погонами или как?

– Значит, все в порядке, – довольно сощурилась Белосельцева. – Поверь, я кто угодно, только не дура.

– Верю.

– Похоже, взаимопонимание налаживается, – вклинился в разговор Сорокин. – Ты не смотри, что Людмила Александровна такая молодая. Она успела пройти в спецподразделении МЧС «Лидер» подготовку по выживанию в экстремальных условиях, и многое другое...

– О! В нашем Олимпийском комитете и такие люди есть? – уважительно протянул Полундра, подумав про себя, что и сам догадался: мадам Белосельцева не Гнесинку заканчивала.

– У нас разные люди есть... – промурлыкала Людмила. – Кстати, в поисковой группе легендироваться ты будешь как гражданский специалист по водолазному делу и дайвингу, естественно, от нашего НОК. Остальное – на месте. Группа уже собрана, сегодня вылетаем.

Легендироваться? Это еще зачем? Павлов удивился, но вопросов задавать не стал. Сами разберемся со временем.

– Была еще одна причина, по которой в нашу группу взяли именно тебя, – сказала Белосельцева, доставая из кармана фотографию. – Вот, посмотри. Узнаешь?

– Ни фиги себе! – удивленно воскликнул Полундра. – Еще бы! Это же мой тезка, Серега Зарнов, мы с ним в свое время в Высшем военно-морском училище имени Фрунзе в одной роте были.

– Он шкотовый на «Кассиопее», – сказал адмирал Сорокин.

– Вон оно как! Ну да, он еще тогда за флотскую команду по яхтингу выступал в одиночном разряде. Хороший парень. Помнится, распределился он на Балтфлот, а потом...

– Потом в отставку вышел. А рулевым на «Кассиопее» Андрей Муличенко, – уточнил Петр Николаевич.

– Люда, – Полундра повернулся к Белосельцевой, – а сейчас их кто-то ищет?

– Конечно. Организаторы гонки, ИЯРУ. Кстати, они сами попросили подключить нашу поисковую группу под эгидой российского НОК. Видимо, в случае неудачи хотят разделить ответственность поровну.

В кармане цветастой куртки Белосельцевой зазвучали первые такты хита сезона, шлягера «Дед Отморозок» известной рок-группы «Харя я». Хорошо хоть не похоронный марш в исполнении сексуально озабоченного мартовского кота – сейчас в качестве сигнала вызова и такое запросто услышать можно. Мода, куда денешься!..

Людмила достала мобильник. Некоторое время она внимательно вслушивалась в слова своего абонента. Лицо ее мгновенно посуровело, подурнело даже.

– Нашли? Что? А экипаж где? Нет? Ни живых, ни мертвых? Куда же они могли пропасть? Ладно, хорошо, что хоть трупов нет на борту. Значит, остается надежда, что они живы.

Адмирал Сорокин и Полундра молчали, и так все было понятно. Яхта обнаружена. Люди – нет.

– Когда отправляемся? – спросил Полундра, дождавшись окончания разговора.

– Надо было вчера, – невесело откликнулась Белосельцева. – Сегодня мы должны быть в Москве. Завтра утром вылетаем в Монтевидео.

Когда они втроем вышли из штаба, адмирал Сорокин чуть придержал Сергея за руку.

– Ты вот что, Полундра, – тихо сказал Петр Николаевич, дождавшись, когда Людмила уйдет вперед, – будь там осторожен, смотри в оба. Ситуация и в штабе регаты, и в Международном олимпийском комитете какая-то мутная... Ага, есть у меня такие непроверенные данные. Сорока на хвосте принесла. Даром, что ли, у меня фамилия Сорокин?

8

Торпедный катер с логотипом трансконтинентальной гонки Монтевидео – Сидней – парящим альбатросом – подходил к засеваемой на мели «Кассиопее» с норд-оста, от Южных Оркнейских островов. Близость летней границы паковых льдов моря Уэдделла и могучих материковых ледников Земли Королевы Мод давала себя знать: на поверхности океана там и тут плавали белые ледяные поля, оторвавшиеся от припая, на юге в пяти кабельтовых по курсу катера виднелись сразу три айсберга. Небольшие для Антарктики: надводная часть высотой с десятиэтажный дом и площадью размером с футбольное поле.

Вот один из них стал сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее крениться набок, опрокидываться. Еще секунда – и плавающая ледяная гора с громким плеском перевернулась, подняв мощную волну.

С айсбергами такое случается нередко. Их подводная часть подтаивает, центр тяжести смещается, и айсберг, потеряв устойчивость, переворачивается так, чтобы вновь оказаться в равновесном состоянии. Такие перевороты – одна из наиболее грозных опасностей, связанных с айсбергами. Столкнуться с айсбергом «лоб в лоб» – это все-таки редкость. Печально знаменитый «Титаник» оказался в этом смысле на удивление невезучим кораблем. В наше время, когда даже небольшие суда оборудованы локаторами, подобный несчастный случай практически исключен: нужно очень постараться, чтобы впилить непосредственно в громадную ледяную гору. Но вот если на беду оказаться в опасной близости от плавающей махины в тот момент, когда она кувыркается, принимая положение «поудобнее»... Возникающая в результате такого кульбита крутая и высокая волна способна опрокинуть даже довольно крупное судно, чего уж о торпедном катере говорить!

Капитан катера очень опасался чего-то подобного. Он недовольно хмурил густые брови, покусывал усы. Ледовая обстановка ему решительно не нравилась. Погода тоже установилась такая, что хуже не придумаешь, без айсбергов проблем хватало. В летние месяцы пролив Дрейка уподобляется громадной аэродинамической трубе. Неустанный напор западных ветров в здешних местах дело обычное, но сегодня мощные шквалы, налетающие с норд-веста, не могли разогнать сгущающийся с каждым часом туман, и видимость стремительно падала. Оттуда же, с запада, шли нескончаемой чередой невысокие, около четырех баллов по Бофорту, но очень крутые волны. Катер так и прыгал на них, точно пробка или автомобиль на редкостно ухабистой дороге, бортовая и килевая качка становилась все сильнее. Больше всего на свете капитану хотелось сейчас срочно повернуть катер кормой к волне и уйти в безопасную бухту, в порт. Хотя бы подняться немного к норду, отгородиться цепочкой Южных Шетландских островов от плавающих льдов и злобной волны. Переждать там непогоду, а уж потом снова выйти в точку с координатами, указанными аргентинским рыбаком. Ведь людей на борту яхты нет? Так какого же рожна пороть горячку и лезть морскому черту в пасть?! Таким манером вместо того чтобы кого-то спасти, только сам угробишься.

Но двоих людей, стоящих рядом с капитаном на крыле мостика, отступление не устраивало.

– Смотрите, вон она сидит! – сказал капитану Эдуард Лайонс, указывая рукой, в которой был зажат бинокль, вправо по ходу катера, в свинцово-серую завёрть тумана и волн. – Попробуйте подойти поближе.

– Вижу, что сидит, – буркнул в ответ капитан, которому «подходить поближе» к несчастной «Кассиопее» вовсе не хотелось. Однако он коротко скомандовал: – Право руля. Двенадцать на ост. Так держать.

Резкие порывы ветра налетали с западных румбов один за другим, залепляли лица мокрой ватой тумана, мешали дышать. Очередной шквал хлестнул по катеру слева направо зря-

дом мелкого дождя пополам с брызгами океанской воды, все моментально промокли до нитки, невольно вжимая головы в плечи и сутулясь. Да, самая что ни на есть подходящая погодка для морских прогулок, и местечко просто замечательное. В перехлест его через клюз и беременной кашалотихе в зубы!

Катер самым малым ходом – такая ледовая обстановка при сильном волнении требовала максимальной осторожности! – продвигался вперед, и чем ближе он подходил к злосчастной банке, тем мрачнее становилось лицо капитана. В полутора кабельтовых от «Кассиопеи» он развернул катер носом к волне. Теперь дизели работали только на то, чтобы удерживать судно на месте.

– Что дальше, мастер? – поинтересовался Эдуард Лайонс, с ожиданием глядя на капитана. – Как вы собираетесь высаживать на яхту штормгруппу?

– Никак не собираюсь, – буркнул тот. – Мои матросы на такое явное самоубийство не пойдут. И вашим людям я подобное безрассудство не разрешу. Это, к вашему сведению, никакая не смелость, а дремучий идиотизм. Было бы ради чего рисковать! Людей на яхте нет, спасать там некого, а подвергаться смертельной опасности из-за пустого стеклопластикового корыта... Ищите других желающих. Кому жизнь не дорога.

– Но как же так?! – возмущенно сказал Лайонс. – Мы собирались завести пластырь, откачать воду, взять яхту на буксир и увести ее в порт! Корыто, говорите? Знаете, мастер, каких денег стоит это корыто? И потом: этим спасательным рейдом команду я!

Верно, Лайонс командовал. Фридрих Роттенберг остался в Монтевидео. Вот он, как человек, отлично знающий море, вряд ли стал бы спорить с капитаном катера.

Существовал в этой ситуации еще один весьма важный аспект. С очень давних времен повелось, что капитан на своем судне – «первый после Бога», будь это судно хоть ржавой лоханкой с полутора матросами команды. Даже если на борту такой лоханки, когда она в море, каким-то чудом окажется король, президент могучей державы или еще какая очень важная персона, персона эта не должна оспаривать решений капитана! Таков морской закон, очень, кстати, разумный, ибо именно капитан отвечает за свое судно и команду перед Богом и людьми.

Тут в разговор, который становился все напряженнее, вмешался третий человек. Стоявший на мостике и молчавший до сей поры кореец Кай Чун Бань.

– Я тоже весьма заинтересован в том, чтобы в составе поисковой группы оказаться на борту яхты, – тихим бесцветным голосом произнес он. – Я бы очень хотел забрать наше навигационное оборудование. Приемо-передающую систему спутникового поиска, аккумулятор...

Английский язык Кай Чун Баня – разговор на мостике велся, естественно, на английском – был безукоризнен. Даже слишком – на фоне техасского тягучего выговора капитана и скороговорки Эдуарда Лайонса, столь характерной для жителей приозерного Детройта. У корейца оказалось поставлено чуть ли не оксфордское произношение, разве что чуть заметное специфическое подмякивание в конце фраз можно было уловить, если обладать изощренным слухом.

– Вот видите, мастер! – тут же поддержал корейца Лайонс. – А вы говорите: слишком опасно, невозможно... Как это так, невозможно? Сейчас ведь даже сильного шторма нет, разве я не прав? Вот видите: хотя бы оборудование с яхты снять желательно.

– Что они, из платины с бриллиантами, что ли, ваши система с аккумулятором? – гаркнул вконец обозлившийся капитан. – Жадность замучила? Так жадность – мать всех пороков. В данном конкретном случае она может привести всю нашу теплую компанию на холодное дно. Ага, именно так, я нисколько не преувеличиваю. Сами посмотрите, что творится, разуйте глаза! Тут не до материальных потерь! Не дай господь, сдохнет хоть на три минуты машина...

Словно подтверждая его слова, океан ударил в правую скулу катера тремя особенно крутыми волнами подряд. Фонтаны брызг и ключья грязноватой пены взлетели выше полубака, еще раз окатив капитана, Лайонса и корейца ледяным душем.

– Не в жадности дело, – невозмутимо, ничуть не изменившись в лице, ответил Кай Чун Бань, выслушав отповедь капитана. – Ведь мы не только спонсор гонки, но и фирма-производитель этой сложной техники! Все системы неожиданно засбоили и отключились, что стало одной из главных причин сегодняшнего печального положения вещей. Надо выяснить, почему это произошло. Чтобы в дальнейшем у других пользователей нашего оборудования, тех же яхтсменов, ничего подобного не повторялось...

Ощущалась в построении его фраз некоторая чуждость, оттенок неестественности, книжности, как бывает, когда человек думает на своем языке, а затем, как бы мысленно, переводит на иностранный, который знает в совершенстве.

Он повернулся к Лайонсу и посмотрел тому в глаза очень пристальным, жестким взглядом, который капитан катера заметить не мог. В глазах Кай Чун Баня читалось что-то вроде: «Выскажитесь более твердо. Покажите, кто здесь начальник. Настаивайте на своем решении, пусть оно сопряжено с риском. Мне необходимо снять с яхты оборудование, произведенное нашей фирмой. Поддержите мою позицию более определенно и однозначно».

– Так все же... – неуверенно промямлил полномочный представитель МОК. – Неужели ничего нельзя сделать для спасения яхты? И... э-э... продукции наших корейских друзей? Мы же сейчас подошли совсем близко!.. Нет, право, мастер, должен найтись какой-то выход! Будьте смелее! Вы должны учитывать мои пожелания и э-э... распоряжения. Вам за это деньги платят! И за риск, кстати, тоже.

Последний аргумент в этом бессмысленном споре окончательно взбеленил капитана, ангельским терпением и без того не отличавшегося. Ну что ты будешь делать с сухопутными пеньками, которые по дурости утопиться готовы и других за собой на грунт потянуть?! Получается, что пеньки его чуть ли не в трусости обвиняют?! Ну, сейчас он им покажет, какого цвета у осьминога задница!

Вот чего у осьминога, кстати сказать, нет, так это про себя упомянутой капитаном части тела. Но капитан привык мыслить образно, особенно пребывая в нешуточном гневе.

– Это я на берегу ваши распоряжения учитывать стану! – заорал он. – Если мы доберемся до берега, в чем я начинаю сомневаться. Впрочем, раз вы уж так настырны и храбры... Извольте, акулий хвост вам в глотку! Вы возьмете на себя всю полноту ответственности? Вы лично отдадите приказ о высадке на яхту штормгруппы? Только учтите, смельчак, за последний час барометр упал на десять миллиметров и продолжает падать. А ведь без того было 750 миллиметров. Понимаете, что это значит и чем пахнет? Я вам скажу: могилой. А с зюйда, посмотрите, три айсберга приближаются. Один уже крутанулся на наших глазах, что если и два других надумают? При таком волнении и ветре это запросто. Так что с приказом? Тогда я подумую, глядишь, и подчинюсь.

Э-э, нетушки! Такой расклад мистера Лайонса категорически не устраивал. Одно дело пожелания, ценные руководящие указания и все прочее, столь милое сердцу чиновника, которым полномочный представитель МОК, по сути, и являлся, а вот прямой и недвусмысленный приказ – дело совсем другое. Ишь, капитан хитрец какой, хочет ловко устроиться! А если кто-то погибнет, что же, Лайонсу отвечать?

Чиновники, независимо от национальной принадлежности и конкретного рода деятельности, чем-то напоминают друг друга. Вот если бы комиссию создать или комитет да решить вопрос коллегиально, чтобы поделить ответственность на всех... Но чтобы так? Самому? Немедленно? Слуга покорный! Нет, Лайонс ни в коем случае не был трусом и перестраховщиком, вот только... На него же, в случае чего, всех собак повешают! Мало, что ли, у него завистников и недоброжелателей в МОК? Да девать некуда.

Кроме того, полным невеждой и глупцом Эдуард Лайонс отнюдь не был, он прекрасно понимал, что предвещает столь резкое падение атмосферного давления. Приближается настоящий шторм, а торпедный катер не настолько надежная посудина, чтобы гарантированно с

антарктическим штормом справиться. Да еще тройка айсбергов, как на грех... Этак правда можно тутошним рыбам на корм угодить.

Капитан катера впрямь оказался хитрецом, разбиравшимся в тонкостях чиновничьей психологии. Он и в мыслях, конечно же, не держал выполнять даже сколь угодно категоричное распоряжение Лайонса, если тот на него все-таки решится. Но вот не верилось капитану в подобную решительность, и он оказался прав.

– Черта в стуле я отдам, а не приказ! – мрачно, однако непреклонно заявил Лайонс, посмотрев почему-то на невозмутимого корейца. – Я не хочу брать на себя никакой ответственности, мое единственное желание – избежать ее! Я умываю руки. Теперь с проклятым барометром. Мастер, вы полагаете, нам пора отсюда уходить?

– Дошло до вас наконец. Полагаю. Сматываться. Улепетывать, покуда целы. Самым полным ходом.

– Так командуйте, холера б вас побрала! – у Лайонса тоже сдали нервы. – Как только погода позволит и плавающих льдов станет поменьше – сразу же попытаемся снова.

Последнюю фразу Эдуард адресовал Кай Чун Баню, выражение лица которого по-прежнему оставалось непроницаемым.

Часом позже, на траверзе острова Сигни-Айленд, когда непосредственная угроза миновала, Лайонс спросил у капитана:

– Как полагаете, мастер, сколько еще может прожить яхта?

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Может, и неделю. А может, и несколько часов. Или минут. Это зависит от того, насколько прочно она уселась. А также от скорости ветра, ледовой обстановки. В этом районе погода меняется едва ли не каждый час. Как только ее стащит штормом с банки, тут ей и каюк. Судя по тому, что там намечалось, когда мы благополучно удрали, думаю, это произойдет вскорости. Далась вам злосчастная яхта, Нед! Меня больше волнует вопрос: что с русскими парнями? Почему они покинули яхту, почему не дождались нас? Куда они пропали?

– Скорее всего, погибли... – грустно вздохнул Лайонс. – Холод, льды, воды пресной нет. Впрочем, тут поисково-спасательная группа прибыла из их НОК. Будем вместе искать...

9

– Саныч! Саныч, ты живой?.. – Зарнов потряс Андрея Александровича за плечо, похлопал по щекам.

Муличенко закричал, с трудом сел. Расфокусированный взгляд его помутневших глаз постепенно начал приобретать осмысленное выражение.

Выглядел рулевой «Кассиопеи» ужасно, именно что краше в гроб кладут: лицо бледное, мучнисто-белого цвета, с выделяющимися синяками подглазий. Да и чувствовал себя Муличенко соответствующе: мелкая ознобная дрожь во всем теле и одновременно пот, как при малярном приступе. Очень хочется пить. Во рту противный медный привкус, пересоший язык словно шерстяная варежка. Голова кружится так сильно, что сесть еще можно, а вот встать...

На Сергея тоже было страшно смотреть. И чувствовал он себя ничуть не лучше. Колени предательски подгибались, в горле першило, голова разламывалась, в глаза словно песку сыпали.

– Вроде живой, – не слишком уверенно ответил Муличенко. Слова еле-еле выговаривались, от звуков собственного голоса пульсация над бровями и в затылке болезненно усиливалась. – На ангела с крыльями ты, Серж, не похож. На черта с рогами тоже. Значит, я покуда на этом свете.

– Саныч, что это такое было? Что с нами стряслось? – в голосе Зарнова проскальзывали панические нотки. – В конце концов, где мы? Куда нас нелегкая занесла?

Эх, если бы Андрей Александрович мог ответить на вопросы своего шкотового!

– Знал бы я... – угрюмо проворчал Муличенко. Язык у него слегка заплетался. – Хреновина какая-то стряслась непонятная. Ты вот что последнее отчетливо помнишь?

– А ты?

Быстро выяснилось, что помнят они оба примерно одно и то же, причем немногое. «Кассиопея», подгоняемая попутным ветром, шла фордевинд. Они решили пообедать, спустились в кокпит. А вот потом?..

Потом Муличенко и Зарнову одновременно стало плохо. Причем слово «плохо» не слишком точно описывает то, что ощущали яхтсмены.

– На меня точно затмение нашло, – нервно посмеиваясь, сказал Сергей. – Вот чувствую, нужно отсюда удирать, иначе что-то жуткое случится. Страшно мне было так, что чуть сердце не останавливалось. Но чего конкретно я боялся, хоть застрелись, вспомнить не могу.

– Ага, – кивнул Муличенко. – Со мной та же история. Словно выпал из реальности в какой-то кошмар. А чтобы я был настолько напуган, так даже не припомню. Что меня испугало? – Он беспомощно развел руками. – Как и ты, понятия не имею.

В таком помраченном состоянии они не сговариваясь спешно забрались на спасательный плотик и отгребли от яхты. Именно это было последним, что помнили оба. Поступок абсолютно дикий, ни одному из них такое в нормальном состоянии никогда бы на ум не пришло.

– Потом мы с тобой отрубились. Пока мы лежали в бесчувствии, течение и ветер пригнали плотик к берегу. Знать бы еще, к какому. Нам фантастически повезло: то, что плотик не перевернулся или нас с него не смыло волной, – это чудо из чудес, – Андрей Александрович изумленно покачал головой. – А до чего «Кассиопею» жалко!

– Что же получается, Саныч? У нас с тобой на время крыша поехала?

– Одновременно у двоих? Так не бывает. Да и с чего бы? Знаешь, на что это больше всего похоже? Вот если бы мы с тобой не просыхая квасили дней десять и допились до белочки... Да перед тем, как пообедать, по стакану водки на голодный желудок ошарашили... Заметь, Серж, вот мы сейчас рассуждаем вроде бы здраво. А самочувствие какое? У меня – будто я под танком побывал.

– Аналогично, – криво усмехнулся Зарнов. – Ты прав, очень похоже на жесточайшее похмелье. Господи, как же пить-то хочется!

Как и подавляющее большинство россиян, Андрей Муличенко и Сергей Зарнов любили – и умели! – выпить. А что? Если в меру, в должное время и в должном месте, да еще и в хорошей компании, то почему бы нет? Друг друга они считали очень даже неплохой компанией. Оба предпочитали родной отечественный напиток всяким заморским виски, джинам и прочим бренди. Так что яхтсменам было с чем сравнивать свои ощущения.

Но ведь не то что по стакану, а уже недели две ни тот, ни другой и капли спиртного себе не позволяли!

– Ладно, – решительно проговорил Андрей Александрович. – Раз не можем пока понять, что за пакость с нами приключилась, так нечего лбом стенку бодать. Глядишь, потом разберемся. Сейчас у нас задача поважнее: определить, куда нас занесло. Есть соображения?

– Ну, не на Васильевский остров. На Черноморское побережье Кавказа тоже не слишком походит. Давай посмотримся...

Осмотрелись.

Вокруг каменистый берег, прямо перед глазами лоснящаяся, как спина кита, поверхность моря. Небольшие волны с шорохом накатываются на крупную гальку. За спиной километрах в пяти виднеются довольно крутые скалы, пятнистые от снега. Совсем рядом торчит скальный останец, напоминающий палец великана, уставленный в хмурое серое небо. Он коричнево-красный, покрытый белым налетом соли и синеватыми потеками. Внизу, у самого подножия, бросаются в глаза цепкие куртинки лишайников. В этом серо-белом мире они кажутся на удивление яркими: лимонно-желтые, оранжевые, бархатисто-черные. И еще одно оранжевое пятно около самого уреза воды – их плотик.

Мрачноватый, вообще говоря, пейзаж. Почти безжизненный: ни людей не видно, ни зверя какого, ни деревца, ни кустика, ни травинки. Только лишайники на камне останца, да кружит над морем с хриплыми криками темно-бурая птица величиной с небольшого гуся, но внешне напоминающая чайку. Птица знакомая яхтсменам, у нас такие часто встречаются в высоких широтах: большой поморник. Известный разбойник, который кормится тем, что разоряет гнезда других морских птиц и отнимает у них добычу. На побережье Белого моря, где доводилось бывать Муличенко и Зарнову, этих пернатых бандитов полным-полно на каждой мусорной свалке, они там вроде ворон в Москве. А те поморники, кто понахальнее, уже начали Балтику осваивать.

Холодно и сыро. Здесь, на галечном берегу, в ложбинках лежит снег. Но не сухой, а ноздреватый и влажный, сочащийся талой водой. Море чистое, но у кромки прибоя заметны выброшенные волнами на берег плоские осколки льдин. Иные вполне приличных размеров, метров до пяти в поперечнике. Похоже, что они тают, но очень медленно. Значит, температура около нуля по Цельсию, да и собственные ощущения яхтсменам о том же самом говорили.

Хорошо, конечно, что не холоднее, мороз быстро убил бы Муличенко и Зарнова. Но и без того хватает: ноль градусов при высокой влажности и ветре, это ой-ой-ой что за прелесть. Зуб на зуб не попадает! Значит, нужно срочно как-то защищаться от ветра и добывать огонь, иначе конец не за горами.

Теперь вопрос на сообразительность и знание географии: что же это за берег? Берег чего? Ясно, что либо Атлантического, либо Тихого океана, их как раз пролив Дрейка разделяет, но вот какой земли?

– Когда нам с тобой посносило башни, мы уже обогнули с запада Южные Шетландские острова, – вслух рассуждал Андрей Александрович. – Могло выбросить на один из них.

– Если плотик чудом проскочил пролив Дрейка, то это может быть островок Пунта-Аренасского архипелага, – поделился своими соображениями Сергей.

– Не думаю, – покачал головой Муличенко. – На островах этого архипелага довольно много народу. Поселки, хоть крохотные, но все-таки... Дороги. Рыбаки, охотники на тюленей... Там даже администрация с полицией имеется, чилийская. Хотя нам могло просто не повезти. Выбросило в безлюдное место... Только, знаешь, Серж, мы ведь шли бейдевинд, ветер дул прямехонько в корму, строго с норда. Мы двигались вдоль шестидесятого меридиана. Вниз. На юг. И если ветер не сменился...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.